

18+

БЕСС СТРИТЕР ОЛДРИЧ

ФОНАРЬ В ЕЁ РУКЕ

Бесси Стритер Олдрич

Фонарь в её руке

«Издательские решения»

Олдрич Б.

Фонарь в её руке / Б. Олдрич — «Издательские решения»,

Книга «Фонарь в её руке» Бесс Стритер Олдрич — это масштабная семейная сага об удивительной женщине, чья жизнь стала частью истории освоения американского Дикого Запада. Юная Эбби мечтает о музыке, искусстве и большом мире, но любовь к Уиллу Дилу приводит её в бескрайнюю прерию штата Небраска. Здесь, среди суровых зим, засух, пожаров и тяжёлого труда, она строит дом, растит детей, переживает утраты и год за годом отдаёт семье собственные силы и несбывшиеся мечты. Проходят десятилетия.

© Олдрич Б.

© Издательские решения

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
Книга первая. Детство и мечты	6
Книга вторая. Навстречу прерии	7
Предисловие переводчика	8
Главные герои романа	10
Книга первая. Детство и мечты	11
Глава I	12
Глава II	17
Глава III	20
Глава IV	24
Глава V	28
Глава VI	32
Глава VII	35
Книга вторая. Навстречу прерии	38
Глава VIII	39
Глава IX	44
Глава X	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фонарь в её руке

Бесси Стритер Олдрич

Переводчик Владимир Владимирович Давыдов

© Бесси Стритер Олдрич, 2026

© Владимир Владимирович Давыдов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-1025-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая. Детство и мечты

Глава I. Две крови

Глава II. Портрет прекрасной дамы

Глава III. Тень смерти

Глава IV. Песня и первые мечты

Глава V. Ветер войны

Глава VI. Дорога под гледичиями

Глава VII. Начало общей жизни

Книга вторая. Навстречу прерии

- Глава VIII. На запад
- Глава IX. За краем знакомого мира
- Глава X. Фонарь в руке
- Глава XI. Первое лето
- Глава XII. Испытание надежды

Книга третья. Дом, семья, земля

- Глава XIII. После нашествия
- Глава XIV. Рождественская звезда
- Глава XV. Зима испытаний
- Глава XVI. То, что нельзя продать
- Глава XVII. Дорога дальше на запад
- Глава XVIII. Дети покидают дом
- Глава XIX. Железная дорога и метель
- Глава XX. Часы продолжают идти
- Глава XXI. Когда уходит Вилл
- Глава XXII. Жизнь после занавеса
- Глава XXIII. Память и утешение
- Глава XXIV. Быстрые годы
- Глава XXV. Дом, который остаётся

Книга четвертая. Дети уходят своими дорогами

- Глава XXVI. Мир детей
- Глава XXVII. Скамья под кедрами
- Глава XXVIII. И снова война
- Глава XXIX. Когда приходит старость
- Глава XXX. Наследство предков
- Глава XXXI. Рождество большой семьи

Книга пятая. То, что остаётся после нас

- Глава XXXII. Песня из прошлого
- Глава XXXIII. Мечты настоящие
- Глава XXXIV. Великий урожай
- Глава XXXV. Стрелки часов идут по кругу
- Глава XXXVI. Фонарь в её руке

Предисловие переводчика

Перед вами роман Бесс Стритер Олдрич «Фонарь в её руке» — история одной женщины, одной семьи и целой эпохи.

На первый взгляд это семейная сага о заселении американского Запада. Но чем дальше читаешь, тем яснее становится: перед нами книга не столько о покорении прерии, сколько о цене человеческой мечты.

В центре романа — Эбби Маккензи-Дил. В ней соединились две семейные линии: утончённость и тяга к прекрасному, унаследованные от шотландских предков, и эмоциональная сила ирландской ветви семьи.

Эбби мечтает петь, писать, рисовать, видеть большой мир. Но её жизнь складывается иначе.

Вместе с мужем Уиллом — молчаливым, трудолюбивым первопроходцем — она отправляется туда, где ещё почти ничего нет: ни привычного дома, ни устроенного быта, ни уверенности в завтрашнем дне.

Есть только земля.

Прерия.

Семья.

И фонарь в руке.

Годы Эбби уходят на то, чтобы растить детей, печь хлеб, шить одежду, переживать засухи, метели, болезни, неурожаи и потери. То, что когда-то казалось ей собственной будущей жизнью, постепенно отступает.

Но исчезают ли её мечты?

Это один из главных вопросов романа.

Дети Эбби и Уилла вырастают и уходят каждый своей дорогой — в банковское дело, юриспруденцию, музыку, образование. И постепенно становится понятно: многое из того, что Эбби не смогла осуществить сама, продолжает жить в следующем поколении.

Есть в книге и ещё один герой.

Прерия Небраски.

В начале романа она дикая, бесконечная, почти пугающая. Проходят десятилетия — и на месте первозданной земли появляются дороги, фермы, города, школы, железные дороги. Меняется прерия — меняются люди.

Поэтому при переводе мне особенно хотелось сохранить не только события романа, но и его внутреннюю музыку.

В книге постоянно возвращаются одни и те же образы: ветер, часы, песня, жемчуг, прерия, вечерний семейный стол и фонарь. Сначала они могут показаться обычными деталями. Но вместе с Эбби они проходят через десятилетия, постепенно приобретая иной смысл.

Особенно важен образ времени.

Время здесь движется вперёд — и одновременно словно идёт по кругу. Дети становятся взрослыми. У них появляются собственные дети. Молодые однажды смотрят на стариков так же, как те когда-то смотрели на своих родителей. Исчезают дома и привычки, появляются авто-

мобили, самолёты, радио, новые города — а человеческие надежды, любовь и страх потери остаются удивительно похожими.

Именно поэтому при переводе мы старались не «осовременивать» героев чрезмерно. Важно было сохранить ощущение Америки второй половины XIX — начала XX века, но одновременно сделать русский текст естественным для современного читателя.

Имена, географические названия и повторяющиеся выражения приведены к единой системе. Песни, семейные воспоминания и ключевые фразы сохранялись особенно внимательно, поскольку многие из них возвращаются спустя десятки глав и только тогда раскрывают свой полный смысл.

Я сознательно старался не объяснять читателю Эбби.

Её лучше услышать самой.

Возможно, сначала она покажется просто сильной женщиной-первопроходцем. Потом — матерью. Потом — женщиной, пожертвовавшей частью собственных желаний ради семьи.

Но к последним страницам возникает другой вопрос:

Действительно ли её мечты остались несбывшимися?

Ответ Бесс Стритер Олдрич гораздо тоньше, чем простое «да» или «нет».

И, пожалуй, именно поэтому роман, написанный почти столетие назад, продолжает говорить с нами сегодня.

Это книга о людях, которые строили дома там, где вчера была только трава.

О женщинах, чьи имена редко попадали в учебники истории, хотя без них самой истории могло бы не быть. О детях, которые иногда осуществляют мечты своих родителей, даже не подозревая об этом. О времени, которое невозможно остановить.

И о человеке, который идёт через него, стараясь сохранить свет. **С песней на устах и фонарём в руке.**

Владимир Давыдов

Главные герои романа

Эбби Маккензи-Дил: Сердце романа. Сильная, оптимистичная, но глубинно-поэтичная женщина, несущая в себе наследство аристократичных шотландских и эмоциональных ирландских предков.

Уилл Дил: Ее муж. Трудолюбивый, молчаливый, преданный земле первопроходец.

Дети Эбби и Уилла: Мэк, Маргарет, Джон, Изабель и Грейс. Каждый из них выбирает свой путь — банковское дело, юриспруденцию, музыку, науку, реализуя то, о чем когда-то мечтала их мать.

Прерия штата Небраска: Полноценный действующий персонаж — от пугающей, бесконечной и дикой в начале до окультуренной и цветущей в конце.

Книга первая. Детство и мечты

Глава I

Девичья фамилия старой Эбби Дил была Маккензи. А поскольку первые восемь лет её жизни представляли интерес разве что для родных, мы проскользнём мимо них так же легко, как сама Эбби когда-то гоняла обруч по высоким, растрескавшимся тротуарам маленького городка Чикаго, стоявшего у озера, где рос камыш. И вот мы встречаем её восьмилетней девочкой в 1854 году. Семья заночевала на опушке леса, чуть в стороне от проторённого пути между Дюбьюком и новым домом в округе Блэк-Хок, штат Айова, куда они направлялись.

Эбби и её старшая, пятнадцатилетняя сестра Изабель свернулись рядышком под двумя старыми лоскутными одеялами в одной из повозок. Другая сестра, Мэри, и младший брат Бэзил ехали во второй повозке вместе с матерью. Шестнадцатилетний Джеймс и одиннадцатилетний Денни — мужчины их маленького отряда — спали возле волов, согреваясь теплом их тел. Эбби приподняла край парусинового полога и теперь могла смотреть в ночь.

Темнота казалась тяжёлой и живой. Она густо обступала повозку — странная, немного жуткая, чуть пугающая. Казалось, она умеет видеть, слышать и чувствовать. Шорохами она смотрела на Эбби, шелестом листьев слушала её шёпот, прохладными пальцами ветерка касалась тёплого детского тела. В этой странной близости ночи было что-то почти пугающее. А её безмолвие напомнило Эбби об отце, умершем два года назад. Девочка представила его — длинное худое бледное лицо, аккуратно повязанный шейный платок, неизменно мягкие, учтивые манеры. Она ткнула Изабель локтем.

— Белль, расскажи мне про папу и маму.

Старшая сестра отозвалась с лёгким раздражением:

— Я уже рассказала тебе всё, что помню.

— Расскажи ещё раз.

— Можно подумать, тебе никогда не надоест слушать одно и то же.

— О, мне никогда не надоедает.

— Ну хорошо... Папа был из тех, кого называют аристократами. Он жил в Абердине, в Шотландии, и у Маккензи был городской дом и ещё два загородных поместья. Они принадлежали к землевладельческой знати.

— А что такое землевладельческая знать?

— Это значит, что он был джентльменом и ему не приходилось работать.

— А Джеймс и Денни будут джентльменами?

— Конечно нет. Мы ведь потеряли все деньги.

— Расскажи, как мы их потеряли.

Эбби поудобнее устроилась под одеялом. Было в этом какое-то особенное удовольствие — знать, что когда-то у их семьи водилась такая диковинная вещь, как богатство, пусть даже исчезло оно задолго до её рождения.

— Ну... Папа был молодым человеком, ему ничего не надо было делать, только жить в своё удовольствие. И вот однажды он отправился на охоту с гончими...

— Расскажи про это.

— Ну, охота... свора собак гонится за зайцем... А папа отстал от остальных и заблудился.

— Заяц?

— Да нет же, глупышка! Папа. Ты прекрасно понимаешь. И вышел он к крестьянскому домику.

— А кто такие крестьяне?

— Очень бедные люди, которым приходится работать. Только не перебивай меня каждую минуту, а то я всё время забываю, на чём остановилась. Ну вот... Папа хотел пить. Из дома вышла шестнадцатилетняя девушка-крестьянка. Они были ирландцами, но, кажется, работали

у каких-то людей в Шотландии. В общем, это была мама. Она пошла достать ему воды... тянула верёвку из колодца, а он взял её и сам вытащил ведро. Только подумай! Джентльмен! А маме было шестнадцать... всего на один год больше, чем мне сейчас. Эбби, как ты думаешь, в округе Блэк-Хок, куда мы едем, найдётся какой-нибудь настоящий аристократ-землевладелец?

— Нет... Думаю, что нет. Рассказывай дальше.

— Ну, мама была хорошенькая... Ирландки почти всегда хорошенькие... А возле дома рос розовый куст. Папа попросил у неё розу, и она сорвала ему одну. Эбби, только никому не говори: я везу в повозке маленький розовый кустик, завернула его в мокрую тряпку. Посажу его в округе Блэк-Хок.

— Ха! Ха! Да пока розовый куст вырастет настолько, чтобы с него можно было срывать цветы для ари... аристо... для джентльменов пройдут годы и годы. Дальше.

— Ну вот. Папа взял розу и ушёл. А на следующий день вернулся.

— Опять заблудился?

— Да нет же, глупышка! Он нарочно вернулся, чтобы увидеть маму. И потом приходил ещё. Они вместе гуляли по холмам, заросшим вереском.

— Чем заросшим?

— Вереском! Это такое низенькое растение. А соседи качали головами и говорили, что уже видели, чем заканчиваются такие истории с господами... и... — Изабель понизила голос и торжественно прошептала: — ничего хорошего из этого никогда не выходит.

— Почему они так говорили?

— Сейчас я тебе не могу объяснить. Ты не поймёшь. Вот станешь такой же взрослой, как я, тогда поймёшь. Но папа всё-таки женился на маме и привёз её в Абердин, в большой дом Маккензи. Мама надела своё лучшее платье и самый красивый платок, но даже нарядная она Маккензи не понравилась. Мать папы звали Изабель Андерс-Маккензи. Она была ужасно гордая, и я ненавижу её за то, что она не любила маму. Так ненавижу, что даже жалею, что меня называли в её честь. Если бы мама разрешила, я поменяла бы имя на Розамонд. Я читала про одну Розамонд, и она...

— Рассказывай про неё, а не про себя.

— Ну... Бабушка стыдилась мамы, но ей пришлось принять её, потому что мама была женой папы. Она наряжала её в дорогие платья и пыталась сделать другой. Но когда мама ходила навещать своих родных, она снова надевала простое платье, набрасывала платок на голову и тайком уходила к ним. А по воскресеньям, когда Маккензи отправлялись в кирк...

— А что такое кирк?

— Церковь. На чём я остановилась? Ах да... Аристократы сидели внизу, а бедняки — наверху, на галерее...

— Как на сеновале?

— Нет. Перестань перебивать, иначе больше ничего тебе не расскажу. Мама не хотела бросать своих родных, О'Коннеров, поэтому папа уходил наверх и садился вместе с ними, а Маккензи чуть не умирали от стыда. Потом дедушка Маккензи умер, а много позже... когда уже родились Джанет, Джеймс, Мэри, Денни и я... умерла и бабушка Изабель Андерс-Маккензи...

— Мне так нравится слушать это имя...

— Ну вот, опять. Всё, больше ничего не расскажу.

— Пожалуйста... Я больше не буду перебивать.

— Ну хорошо... Бабушка тоже умерла. Потом папа отправился в Америку на паруснике, просто ради путешествия. Его так долго не было, что все уже решили, будто он совсем не вернётся... Мама ужасно плакала... А ещё папа поручился по долговой расписке за одного человека...

— А что значит поручился по... Ладно, рассказывай.

— Из-за этого он и потерял все деньги. Пока его не было, пришли люди и развесили объявления на доме и конюшнях: всё имущество будут продавать с аукциона.

— А что такое... Ладно, дальше.

— Аукцион — это когда вещи продают тому, кто больше заплатит. В конюшнях стояло пятнадцать верховых лошадей, но после того как появились объявления о продаже, мама по закону не могла взять ни одной. Поэтому она вместе с Джеймсом и Джанет прошла двадцать семь миль пешком, чтобы её отец и мать приехали и выкупили хотя бы некоторые её вещи. Они до сих пор у неё — в том маленьком деревянном сундучке, обтянутом телячьей шкурой. Он лежит в другой повозке, и я знаю всё, что там есть, потому что сама видела. Белая шёлковая шаль с большими розами по углам... по всем четырём углам... веер с драгоценными камнями... брошь с лиловыми камнями и нитка жемчуга. Вещей ровно столько, сколько девочек у нас в семье, и мама говорит, что каждой достанется одна на память. Я знаю, что хочу... шёлковую шаль. Однажды, когда мамы не было, я её примерила и стала очень похожа на портрет Изабель Андерс-Маккензи, который висел на площадке парадной лестницы. Ты ведь понимаешь, Эбби, я никогда не говорила, что мне не нравится, как она выглядела...

— А что мама отдаст мне?

— Не знаю. Она не отдаст нам эти вещи до свадьбы. Джанет, конечно, свою вещь в день свадьбы не получила, потому что вышла замуж здесь, в округе Блэк-Хок, ещё до нашего приезда. Но завтра, когда мы доберёмся, мама ей её отдаст.

— Продолжай... Ты забыла конец.

— Да ты и сама его знаешь. Когда папа вернулся в Ливерпуль, он узнал, что деньги и имущество потеряны, а вещи проданы. Он даже не поехал в Абердин, а послал за мамой и всеми пятью детьми, чтобы они приехали в Ливерпуль. Потом мы все переплыли океан. Мне было семь лет, и я всё прекрасно помню... А когда мы добрались до Нью-Йорка, родилась ты.

Эбби облегчённо вздохнула. Опасность миновала. Каждый раз, когда Изабель рассказывала эту историю, Эбби на мгновение начинало казаться, будто она вообще могла не появиться на свет.

— А теперь расскажи про портрет Изабель Андерс-Маккензи, который висел на площадке парадной лестницы.

Эбби произнесла эти волшебные слова с наслаждением. Эту часть истории она любила больше всего.

— Ну... Он был прекрасный. В огромной тяжёлой золотой раме... почти в человеческий рост. Я прекрасно его помню. На портрете она была молодой...

— И красивой... — подсказала Эбби.

— И красивой. Волосы у неё были рыжевато-каштановые, как у тебя... Она стояла возле какой-то... вроде стола... На ней было бархатное платье с длинными складками, лежавшими вокруг неё... А в руке она держала шляпу с пером...

— С длинным белым плюмажем, — поправила Эбби.

— С длинным белым плюмажем, — послушно повторила более практичная Изабель. — И у неё были красивые руки, длинные тонкие пальцы, сужавшиеся к кончикам.

Эбби подняла руки к отверстию в пологе повозки и разглядела их в лунном свете. Пальцы были длинными и тонкими и действительно сужались к кончикам. Удовлетворённо вздохнув, она спрятала руки под старое лоскутное одеяло.

— И никто не знает, куда делся портрет?

Это прозвучало наполовину утверждением, наполовину вопросом — словно Эбби надеялась, что в огромном запасе знаний Изабель однажды вдруг обнаружится и ответ на эту загадку.

— Нет. Его продали на аукционе. Я не знаю, кто его купил.

Эбби снова вздохнула — на этот раз без всякого удовлетворения. Из всех прекрасных вещей, которые были проданы, именно портрета ей было жаль больше всего. По-детски она

негодовала, что прекрасная женщина перешла в чужие руки. Драгоценности, деньги, мебель — всё это казалось мёртвым, безжизненным рядом с изображением женщины, которая была их родной плотью и кровью. Портрет следовало сохранить.

Ведь там, внутри тяжёлой золотой рамы, навеки осталась их собственная бабушка — в тёмном бархатном платье, широкими складками ниспадавшем вокруг неё, с длинным белым плюмажем и тонкими пальцами, сужавшимися к кончикам.

— Как бы мне хотелось, чтобы он был сейчас с нами, Белль. Мы завернули бы его в одеяла и положили в повозку... А потом, когда разбогатеет в округе Блэк-Хок, построили бы большой красивый дом с широкой изогнутой лестницей и повесили портрет на площадке... И все, кто приходил бы к нам...

— Эбби! Белль! — внезапно раздался голос из другой повозки. — Ну и болтушки же вы! Укладывайтесь-ка спать. Нам надо подняться пораньше и тронуться в путь с восходом солнца.

Эбби вздрогнула. Голос матери вырвал её из романтических грёз и вернул в прозаический мир действительности. Ей никак не удавалось совместить добродушную, полную маму с романтическим образом хорошенькой девушки у колодца, срывающей розу для аристократического джентльмена. Но ведь мама теперь была уже почти старухой. Ей было тридцать семь. Эбби снова выглянула из-под парусинового полога.

Желтовато-белая луна поднималась всё выше над тёмными купами деревьев. Тысячи звёзд, смотревших вниз, бледнели в её сиянии. Где-то печально ухнула сова. От костра доносился запах горящих кленовых веток. Вдали завыл волк, и Джеймс поднялся и достал из повозки второе ружьё. Из леса непрерывно доносилось тихое постукивание и шуршание — маленькие ночные создания занимались своими делами. Странно, как всё это отзывалось болью внутри: запах ночи, серебряное сияние луны, влажная прохлада росы, шёпот ночного ветерка. От всего этого почему-то сжимало горло.

И ещё было грустно оттого, что этот вечер никогда больше не повторится. Ночные ветры уже уносили его прочь. Нельзя остановить ветер. Нельзя остановить Время. Оно идёт всё дальше и дальше... и дальше.

Завтра снова наступит ночь, и луна посмотрит на то же самое место — на деревья и траву, на колеи от повозок и погасший костёр. Но Эбби здесь уже не будет. Сердце её переполняло чувство, которому она не знала названия. На глаза навернулись слёзы. Рассказ о прошлом всегда пробуждал в ней это чувство. «Изабель Андерс-Маккензи», — повторяла она про себя, пока имя не обрело мелодию песни, ритм стихотворения.

«Я буду такой же, как она, — думала Эбби. — У меня уже такие же волосы и руки. Я буду красивой. И совершу удивительные вещи... Буду петь перед огромными залами, писать картины в золотых рамах и сочинять книги». Она задумалась, как вообще люди добиваются того, чтобы написанное ими попадало в книги. В одном из деревянных сундуков в другой повозке лежало несколько книг. Их написал человек с очень длинным именем, начинавшимся на «Ш-е-к-с...». Книги принадлежали отцу.

Мама их не читала. Она вообще ничего не читала, кроме Библии. Да и Библия давалась ей нелегко, поэтому она снова и снова перечитывала одни и те же стихи. Да, Эбби будет похожа на отца и на Изабель Андерс-Маккензи, а не на мамину родню — тех, кто жил в маленьком домике на склоне холма и носил тёмные платки на голове. Она будет богатой и прекрасной... В бархатном платье, с длинным белым плюмажем...

Под луной... Под ночным ветром, который касается её тела своими длинными... тонкими пальцами... сужающимися к кончикам...

Эбби Маккензи уснула. Маленькая Эбби Маккензи, в которой смешались две крови: крепкое тело О'Коннеров и тонкие руки Маккензи, стойкость О'Коннеров и утончённость Маккензи. Ей понадобятся и то и другое — физическая сила крестьянских предков и духовное наследие аристократов, горячее сердце ирландцев и стойкость шотландцев. Да, Эбби Маккензи

понадобится всё это на протяжении восьмидесяти лет её жизни — мужество и любовь, песня на устах и фонарь в руке.

Глава II

Солнечный луч, пробившийся сквозь приподнятый край парусинового полога, разбудил Эбби. Широко раскрыв глаза, она выглянула наружу и увидела то же место, что и накануне вечером. Но теперь всё преобразилось.

Девочка жила сразу в двух совершенно разных мирах, и трудно было сказать, какой из них нравился ей больше. Один был соткан из лунных лучей и звёздной пыли, ночного ветра и облачных грёз, аристократических джентльменов и прекрасных дам. Другой, ничуть не менее приятный, состоял из варёной картошки и солёной свинины, игр с Бэзилем и Мэри, поездок верхом на старом Баке и сбора полевых цветов на опушке леса. Сейчас прозаический мир повседневности казался привлекательнее.

Джеймс подбросил дров в ночной костёр, а мать готовила завтрак, и воздух был густо пропитан запахом жареной свинины и кукурузных лепёшек. Неподалёку кормились лошади и волы: лошади шумно хрустели зерном, а волы медленно и невозмутимо жевали.

Мэгги О'Коннер Маккензи была грузной, приземистой женщиной; фигура её напоминала мешок с пудингом, перетянутый посередине. Большая шаль окутывала бесформенное тело, а другая, поменьше, была наброшена на голову и завязана под полным подбородком. Из-под неё выбивались пряди густых чёрных волос. Лицо было круглым и гладким, полным и безмятежным. Только тёмные ирландские глаза — цвета иссиня-чёрных вод у Килки — да ямочка посреди округлого подбородка ещё напоминали о той давней романтической истории с юной крестьянской девушкой.

Это был последний день их трёхнедельного путешествия. Шестьдесят лет спустя Джеймс Маккензи проделает обратный путь вместе с внуком всего за один день. После завтрака маленький караван тронулся в путь среди громких разговоров и напоминаний:

— Денни, ты точно погасил костёр?

— Белль, застегни пряжку на уздечке Уайти.

Мать правила лошадьми, Джеймс — волами. Шагая рядом с упряжкой, он по-мальчишески громко выкрикивал:

— Направо! Налево! Тпру!

Он изо всех сил старался придать голосу мужскую мощь. Одного вола звали Бак — он был рыже-белым, другого, пёстрого, — Бой. На ходу они мерно раскачивали огромными головами из стороны в сторону, и латунные набалдашники на их рогах блестели в утреннем солнце. Не успели они проехать и нескольких десятков шагов, как маленькому Бэзилу понадобилось остановить весь караван, чтобы перебраться из одной повозки в другую.

Белль сидела на козлах рядом с матерью, а Эбби, Мэри и Денни, пользуясь прохладой раннего утра, шли следом. То и дело они сбегали с дороги, чтобы нарвать майских цветов или дикой мыльнянки. Иногда перепрыгивали через молодые стебли сельфии и кустики голубого флокса, а порой цеплялись сзади за повозку, хватались за домашний скарб и несколько мгновений ехали, болтая ногами над землёй. Около девяти часов они добрались до ручья.

Волы, шедшие впереди, медленно и тяжеломерно перебрались на другой берег, то и дело останавливаясь со свойственной им невозмутимой бестолковостью. Когда они выбрались из воды, матушка Маккензи направила туда свою упряжку. На подъёме одна из лошадей споткнулась и навалилась на соседнюю. Что-то заскрипело. Лошади попятились. Раздались крики. Повозка накренилась. Один мешок муки медленно пополз вниз. За ним второй. Потом третий.

Все восемь мешков, напирая друг на друга, один за другим соскользнули в воду — словно толстые, неповоротливые старики, которым ужасно не хотелось мочить ноги. Мэгги Маккензи уже стояла в воде и удерживала лошадей под уздцы. Джеймс прибежал от своей повозки и помогал навести порядок после катастрофы. И тут кто-то возбуждённо закричал:

— Постель! Смотрите, постель!

Две огромные подушки величественно поплыли вниз по течению, словно гуси, когда-то отдавшие им свои перья, вдруг снова ожили.

— Ох! Ох!

Мать в отчаянии заломила руки. Восемь мешков муки и две подушки были целым состоянием. Эбби, Денни и маленький Бэзил с возбуждённым смехом побежали вдоль берега вслед за уплывающими подушками. Тем временем Джеймс и Белль вошли в воду и стали вытаскивать мешки. Для матери случившееся казалось бедствием, которое невозможно вынести.

— Ох! «Вот доберусь я туда, — сказала Мэгги О'Коннер Маккензи, — так уж, верно, никогда больше с этого места не сдвинусь».

И действительно не сдвинулась. Много лет спустя она умерла всего в четверти мили от того места, где впервые сошла с повозки. Когда вытащили последний мешок, вся семья с мрачными предчувствиями окружила Джеймса. Он развязал один из мешков, чтобы посмотреть, что стало с мукой. Казалось, от результата зависит всё их будущее.

К величайшему облегчению оказалось, что промок лишь тонкий наружный слой муки, превратившийся в клейкую массу. Под жарким, уже высоко поднявшимся солнцем он быстро подсохнет и образует корку, которая сохранит драгоценное содержимое мешков невредимым. Несмотря на задержку, к середине дня семья добралась до поселения на реке Сидар и остановилась возле бревенчатой хижины Тома Грейвса — человека, ради которого старшая сестра Джанет когда-то приехала сюда и вышла за него замуж. Услышав скрип повозок, Джанет поспешила им навстречу по заросшей травой тропинке.

На руках она держала трёхнедельного младенца. Малыш оказался для всей родни неожиданностью: он появился на свет уже после того, как семья отправилась на запад. Мэгги О'Коннер Маккензи, охая, причитая и поправляя пелёнки, принялась знакомиться со своим первым внуком.

— Ну и большой же он у тебя! Как всё прошло? Спокойный? Доктор был или соседка помогала?

Джанет отвечала на вопросы ещё до того, как мать успевала их закончить. Да, доктор был — доктор Мэтьюз из городка. Сидар-Фолс, оказывается, уже довольно значительное место. Там имелись лесопилка, гостиница, магазин, с десятков бревенчатых домов и несколько каркасных. А на школе висел единственный во всём штате колокол на башне. За услуги доктора Том должен был привезти воз дров для печи в его кабинете. У доктора был двухкомнатный дом — наполовину бревенчатый, наполовину каркасный.

Позади тяжело сопели и фыркали волю. В воздухе пахло свежей древесной щепой. Лес за хижинкой казался густым и непроходимым там, куда не проникали короткие стрелы солнечных лучей. И тут из леса появился сам Том Грейвс. На плече он нёс топор — словно знак той борьбы, которую здесь приходилось вести человеку.

— Вот моя мама, Том. Это Белль, а это Мэри. Вон тот мальчик — Джеймс, этот — Денни, а вот маленький Бэзил. А там, с рыжевато-каштановыми волосами, Эбби... про неё мы чуть не забыли.

Все хотели сказать столько всего и непременно одновременно.

— Мы уже приготовили для тебя жильё, мама. Раньше это был овечий сарай дедушки Дила. Дилы живут здесь уже три года, но теперь перебрались дальше в прерию, в большой хороший бревенчатый дом. Можешь пожить здесь, пока не постройте собственную хижину. Мы всё вычистили и повесили на проём толстое одеяло. А если начнётся буря, переберётесь к нам.

Итак, Мэгги О'Коннер Маккензи, некогда жившая в большом городском доме в Абердине и двух шотландских загородных поместьях, теперь предстояло спать в овечьем сарае. Все взялись помогать устраиваться. Из повозок вынесли ореховые кровати и постельные принад-

лежности, высокий комод. Затащили внутрь тяжёлые громоздкие ружья, пороховницу и стулья с плетёными сиденьями.

Мэгги Маккензи принесла старинный уют, внутрь которого через железную дверцу закладывали раскалённые угли гикори. Потом подвесила железную лампу на животном жире с домотканым фитилём, свисавшим через край, словно язык из кривого рта. Если бы она могла предвидеть, что полвека спустя две её внучки — миссис Харрисон Скэннелл Роудс и миссис Фредерик Гамильтон Бейкер — развернут вежливую, но ожесточённую кампанию за право поставить эту старую лампу в своей солнечной гостиной, она наверняка расхохоталась бы так, что затряслись бы её полные бока.

Теперь из повозок вынесли всё. Всё, кроме одной вещи. Эбби стояла на заросшей травой тропинке перед старым овечьим сараем и ждала именно её. В накрахмаленном платье до щиколоток, с уложенными вокруг головы и убранными в сеточку рыжевато-каштановыми волосами она застыла в напряжённом ожидании. Казалось, из мрамора можно было бы высечь её статую и назвать её «Ожидание».

— Дай мне! Дай мне! — закричала она, когда мать стала вытаскивать из-под сиденья повозки обтянутый телячьей шкурой сундучок.

— Только носи осторожно.

Эбби не нужно было напоминать об осторожности. С радостным чувством — ведь хотя бы на несколько минут сокровище принадлежало ей — она обхватила руками его мохнатые бока. На крышке шляпками гвоздей были выложены инициалы: «М. О'К.». Внутри сундучка хранились принадлежности иной жизни. В его обтянутых шкурой стенках был заключён целый мир — совершенно непохожий на тот, что окружал Эбби сейчас.

Для неё эти вещи были символами будущего. Того будущего, в котором она когда-нибудь будет жить. Она опустилась на колени прямо на земляной пол, пахнувший сырой землёй, и задвинула маленький сундук в дальний тёмный угол под материнской кроватью. С любовью, почти неохотно, Эбби разжала руки.

На несколько мгновений перед ней возникло её будущее. Рыжевато-каштановые волосы падают локонами. На плечах лежит белая шёлковая шаль с розами по углам, её складки скреплены брошью с лиловыми камнями. На шее — нитка жемчуга. Длинными белыми пальцами, сужающимися к кончикам, она обмахивается веером с драгоценными камнями. Звучит тихая музыка. Она выходит на высокую сцену.

Сейчас она будет петь. Прекрасные дамы и учтивые джентльмены аплодируют. Некоторые даже встают. Эбби улыбается им и взмахивает драгоценным веером...

— Эбби... Эбби... где ты?

В одно мгновение роскошное видение исчезло. Эбби снова оказалась в обыденном мире. Снаружи кто-то громко звал её.

— Эбби!..

Теперь в голосах слышался страх. Она попятилась из-под кровати и выбралась наружу.

— Эбби... Эбби!..

К ней бежали Денни и Мэри. Лица у обоих были белыми от испуга.

— Индейцы идут! Тут прискакал человек и сказал, что индейцы идут вниз по реке!

Эбби тут же снова полезла под кровать и вытащила оттуда мохнатый сундучок. Она, Эбби Маккензи, ни за что не собиралась отдавать никаким диким язычникам единственную настоящую, осязаемую нить, связывавшую её с прекрасной дамой.

Глава III

Среди общей спешки, суматохи и страха Эбби поняла только одно: всем надо снова садиться в повозки и «ехать к дедушке Дилу», где бы тот ни жил. В повозки побросали всё, что можно было быстро унести. Джанет завернула свежий хлеб и поднявшиеся пончики в домотканую скатерть. Том привязал старую Уайти к задку своей повозки, а её новорождённого телёнка устроил с краю кузова так, чтобы корова могла его видеть и не мычала вслед. Эбби прижимала к себе мохнатый сундучок, словно защищая его.

Маленький караван тяжело двинулся по дороге вдоль реки. Они ехали через тёмный лес, по влажной пружинистой листве, мимо зарослей сумаха и орешника. Сердца колотились от тревоги, тела были напряжены от страха, и за каждым деревом мог скрываться индеец. Из прохладной тени речной дороги на горячую плоскую прерию они выехали так внезапно, словно распахнули дверь в ярко освещённую раскалённую комнату.

Около двух миль повозки шли по едва заметной тропе через прерию, затем снова показался лес, а в нём — самый большой дом во всём поселении: просторное бревенчатое строение, которое после однокомнатной хижины Тома Грейвса и овечьего сарая показалось Эбби настоящим дворцом. У бревенчатой конюшни под соломенной крышей уже стояли другие конные и воловь упряжки. Семьи торопливо несли в дом копчёные окорока, хлеб и самые ценные вещи. Недалеко от задней двери большого дома Эбби, всё ещё держа сундучок, остановилась.

Мальчик лет двенадцати или тринадцати гладил гладкую, подрагивающую голову молоденькой оленихи, привязанной к дереву ремешком за шею. Рядом нервно бранилась маленькая строгая женщина в чёрном ситцевом платье и чёрном сетчатом чепце, завязанном под острым подбородком.

— Нет, Вилли, нельзя. И не проси. Мало мне того, что сюда со всей округи весь этот люд набежал, всё затоптал да ещё своё добро натащил.

— Но, мама, — взмолился мальчик, — я буду держать её отдельно. Отведу наверх, на чердак.

— Нет, Вилли Дил. Не позволю.

Тут из дома вышел крупный, могучий мужчина. У него была только одна рука; пустой левый рукав был приколот к боку куртки. Густая жёсткая чёрная шевелюра и такая же жёсткая борода придавали ему неопрятный вид. Но глаза были голубые, добрые и смеющиеся — в них была спокойная ясность голубого льда, но не было его холода. Он положил единственную руку на тёмную голову мальчика и тихо сказал:

— Лучше отпусти её, сынок. Она сама о себе позаботится. Да и по справедливости ей надо дать свободу.

Не сказав ни слова, мальчик перерезал ремешок на шее оленёнка. Едва он успел ослабить остаток ремня, как животное легко и грациозно метнулось прочь и исчезло в зарослях орешника. Позже, уже в большом бревенчатом доме, где всё ещё царила суматоха, Эбби разыскала темноволосого мальчика.

— Как ты думаешь, она когда-нибудь вернётся? — робко спросила она.

— Кто?

— Твоя маленькая олениха.

— Не-а... Никогда.

Мальчик отвернулся. У Эбби сердце будто разрывалось от жалости к нему. Опять это слово — никогда. Самое грустное слово на свете. От него у неё сжималось горло.

Вилли Дил никогда, никогда больше не увидит свою маленькую олениху. Не поворачивая головы, мальчик напряжённо сказал:

— Я сам её нашёл... и сам выкормил.

Эбби осторожно протянула руку и коснулась его плеча.

— Мне очень жаль.

В её голосе звучало такое искреннее сочувствие, что мальчик резко вскинул красивую тёмную голову.

— Да ну... Мне всё равно.

Но Эбби знала, что это неправда. Она знала, что ему вовсе не всё равно. Пожалуй, не самое подходящее время описывать дедушку и бабушку Дил, когда сообщают, что вниз по реке Шелл-Рок движется отряд враждебно настроенных индейцев. Но пока они ещё не появились, стоит немного рассказать о Гидеоне Диле и его жене.

Им обоим ещё не было пятидесяти. Их младшей дочери, Реджине, исполнилось всего девять. Но старшие дети уже разъехались по округе и успели подарить им нескольких внуков, поэтому, чтобы отличать их от других, более молодых Дилов, их рано начали называть дедушкой и бабушкой. Для остальных поселенцев дедушка Дил казался таким же надёжным, как местные гикори, среди которых он расчистил место под свой дом.

Он был и фермером, и перевозчиком. Двое взрослых сыновей работали на хозяйстве, а сам он водил упряжку из шести волов по длинной дороге до Дюбьюком и обратно, доставляя грузы всему поселению. Этим он и прославился — наряду со своим острым языком и неиссякаемым юмором. Но чтобы по-настоящему оценить шутки дедушки Дила, надо было знать бабушку. Она служила тем фоном, на котором его насмешливые замечания особенно хорошо выделялись.

Маленькая, сухонькая, беспокойная, деятельная и совершенно лишённая чувства юмора женщина не терпела пустой траты времени на шутки. Дедушка же был добрым, неторопливым и весёлым. Он подхватывал каждое её замечание и превращал его в тихую шутку. Сам громко никогда не смеялся — лишь голубые глаза начинали лукаво поблёскивать. Бабушка Дил постоянно носилась по дому, выбегала наружу, возвращалась обратно, бранила мужа, детей, журавль у колодца, погоду — вообще всё, что попадалось ей на глаза или занимало её деятельный ум. Но сейчас она никого не бранила.

И дедушка не шутил. Весть о возможной беде уравнила их в одном общем чувстве — страхе. Почти все семьи поселения собрались в большом, крепком доме Дилов из-за слухов об индейском нападении. Мужчины уже расставляли ружья возле окон и закладывали двери засовами и тяжёлыми подпорками. Несколько женщин отливали пули у маленькой печки-саламандры — странной конструкции с короткими передними и длинными задними ножками, так что она напоминала перевёрнутого жирафа.

Одна женщина билась в истерике. Другая от страха почти потеряла рассудок и всё порывалась выйти наружу — ей казалось, что в доме нечем дышать. Всю ночь они ждали того, что приготовила им судьба. Утром к дому подъехал всадник. Позади него в седле сидел мальчик примерно одного возраста с Вилли Дилом. Это был доктор Мэтьюз.

Он привёз весть: враждебный отряд индейцев ушёл на север. И сразу же началась новая суeta — все принялись собираться домой. Дедушка Дил предложил тем, кому ехать дальше всех, остаться у него на весь день. Эбби слышала, как бабушка возмущённо бурчит по поводу безграничного гостеприимства мужа. Мальчик, приехавший с доктором, был его сыном Эдом. Весь год он учился на Востоке, в пансионе для мальчиков. На нём был хороший костюм, широкий белый воротничок и маленькая круглая шляпа.

Он посмотрел на Вилли Дила в домотканом костюме. Вилли Дил посмотрел на Эдди Мэтьюза, воспитанника филадельфийского пансиона. Похоже, презрение было взаимным. Так индейская тревога закончилась ничем.

Повозки снова загрохотали через прерию, а потом по сырой, тёмной речной дороге, где под дубами и гикори переплетались ветви орешника и сумаха. Всё лето Маккензи жили в овечьем сарае, пока строилась их собственная бревенчатая хижина. Джеймс и Том Грейвс рубили

дом, Денни помогал им, обшивая внутренние стены длинными расщеплёнными жердями и замазывая щели глиной. Всё лето Эбби счастливо выбегала из овечьего сарая и возвращалась обратно через проём, завешенный лоскутным одеялом.

Вокруг было столько чудесных занятий, что непонятно, как на всё хватало времени. В тёмных глубинах Большого леса росли дикие жимолости, мыльнянка и высокие папоротники, которые при желании можно было представить длинными белыми плюмажами. Иногда Эбби выбирала самый длинный лист папоротника и тонкой веточкой прикрепляла его к листу дикого винограда или подорожника — получалась шляпа.

Потом она набрасывала на крепкое маленькое тело одну из тёмных материнских шалей, вставала на травянистый бугорок среди поляны и воображала себя прекрасной Изабель Андерс-Маккензи. А ещё у неё был целый чайный сервиз, спрятанный в дупле дуба на краю леса. Джеймс сделал его для неё из желудей: вынимал сердцевину, а к маленьким чашечкам вырезал крошечные ручки. И был у Эбби ребёнок, о котором надо было постоянно заботиться.

Это был продолговатый камень с небольшим круглым выступом на конце, похожим на голову. Эбби надела на него старое платье Бэзила и вязаный чепчик. Ей нравилось прижимать камень к груди. Он был тяжёлым и казался почти настоящим ребёнком. Иногда, нося его на руках, Эбби чувствовала, как внутри поднимается странная, ещё не изведанная материнская нежность. Но порой играть в ребёнка не требовалось — у Джанет был настоящий младенец, которого можно было держать на руках и укачивать.

Для него у Джанет стояла низкая деревянная кровать на колёсиках, задвигавшаяся под большую кровать. Сделана она была грубо, а торцы представляли собой круглые спилы дерева. Однажды после полудня Вилли Дил пришёл в Большой лес вместе со своим лохматым отцом навестить Тома Грейвса. Вилли помнил Эбби и принёс ей растение в собственноручно сделанном глиняном горшке. Оно было зелёным, кружевным, похожим на папоротник, а среди листьев виднелись три маленьких круглых алых плода.

— А это что такое? — спросила Эбби.

— Любовные яблоки, — ответил Вилли. — Только даже не думай класть их в рот. Они ужасно ядовитые.

Эбби торжественно пообещала, что никогда, никогда даже не прикоснётся ко всякой отраве. Откуда Вилли Дил и Эбби Маккензи в пятидесятых годах девятнадцатого века могли знать, что перед ними помидоры, полные витаминов? А осенью ребёнок Джанет заболел. Никто толком не понимал, что с ним.

Мэгги О'Коннер Маккензи лечила его касторовым маслом и мятой. Бабушка Дил передала через Тома Грейвса совет давать малышу чай из сассафраса и повесить ему на шею маленький мешочек с асафетидой. Но ребёнку не становилось лучше. Побледневшая от тревоги Джанет сказала, что, пожалуй, пора послать за доктором Мэтьюзом. Услышав это, Эбби перепугалась.

Она твёрдо знала: доктора зовут только тогда, когда уже больше ничто не помогает. Том сразу пошёл седлать лошадь. Джанет попросила Эбби подержать ребёнка, пока сама сбегает в пристроенную к дому кухню за тёплой водой. Матушка Маккензи ушла в свою хижину за фланелью. И вдруг Эбби одновременно закричала и заплакала:

— Джанет!.. Мама!.. Скорее!.. Ой, скорее сюда!..

Джанет влетела в комнату, словно птица, бросившаяся на зов своего птенца. Эбби едва могла говорить от слёз:

— Я просто держала его... совсем спокойно... А потом он как-то странно дёрнулся... руки вскинул... и весь стал какой-то синеватый. Что я должна была сделать?

Доктор Мэтьюз приехал вместе с Томом. Да. Ребёнок умер. Джанет обезумела от горя. Она сидела на краю кровати, раскачивая в руках маленькое холодное тело, и никому не позволяла забрать его.

Рахиль, вновь оживающая в каждой матери, потерявшей ребёнка, плакала по своему младенцу и не хотела утешиться. В их собственной хижине Эбби лежала на кровати и рыдала. Вдруг она резко села.

— Я ненавижу Бога.

Мэгги Маккензи поспешно велела ей замолчать и сказала, что произносить такое — страшный грех.

— Но ведь Он создал смерть. Я ненавижу смерть. Ненавижу!

— Бедная моя девочка, — сказала мать Белль. — Умом она вся в Маккензи... но, видит Бог... сердце у неё ирландское.

Глава IV

К одиннадцати годам у Эбби стало гораздо больше работы. Жизнь теперь состояла уже не из одних игр. Одной из её обязанностей было продевать фитили в формы для свечей: её тонкие пальцы справлялись с этим куда ловчее, чем короткие и толстые пальцы матери. Нужно было протянуть длинный фитиль через все шесть гнёзд формы, а верхние концы осторожно перекинуть через палочку, чтобы они не соскользнули. Затем мать заливала формы горячим салом и отставляла их, пока оно не застынет.

Эбби всегда не терпелось увидеть готовые свечи. Она следила, как мать окунает форму в горячую воду, чтобы застывший жир немного отстал от стенок, и тут же начинала просить:

— Дай мне!.. Дай мне!

Иногда Мэгги Маккензи разрешала ей осторожно вытаскивать из формы блестящие свечи кремового цвета. Было у неё ещё с десятков других обязанностей: водить коров на водопой, собирать яйца из тайных куриных гнёзд между сараями и стогами и каждый день ходить в школу. Но даже работу можно было превратить в игру.

Продевая фитили в свечные формы, Эбби могла вообразить, будто нанизывает жемчужины из ожерелья, случайно порвавшегося на балу. А долгая дорога через заросли орешника к школе превращалась в проход между рядами восхищённых зрителей, которые не просто шелестели листьями на ветру, а перешёптывались:

— Вот она... Смотрите, идёт Эбби Маккензи, певица.

Потому что Эбби по-прежнему пела, стоя на своём травянистом холмике на поляне. Она любила подняться по небольшому склону, повернуться, поклониться невидимой публике, гордо вскинуть голову и выпустить наружу всё, что переполняло её, — в песне. Сердце её разрасталось от ощущения единства с природой и её Создателем, и тогда в ней пробуждалась огромная тоска по чему-то, чего она сама ещё не умела ни назвать, ни понять.

Бревенчатая школа стояла на лесной поляне, чуть выше того места, куда доходила река во время разлива. Под окнами переплетались орешник и сумах, а позади росли серые и чёрные орехи. Партами служили грубые полки, прибитые к стенам с трёх сторон комнаты. Перед ними стояли три длинные скамьи одинаковой высоты, так что и рослый шестифутовый юноша, и крошечная шестилетняя девочка — в целях разумной экономии — пользовались одной и той же мебелью.

Во время занятий дети сидели спиной к учителю. Когда же наступала очередь отвечать урок, им приходилось перекидывать ноги через скамью и поворачиваться к нему лицом. Эбби всегда перебиралась медленно, целомудренно придерживая платье и три нижние юбки. А вот Реджина Дил перелетала через скамью одним отчаянным движением, взметая вокруг себя целый вихрь юбок и панталон.

Плащи и чепцы висели на гвоздях у единственной стены без полки-парты. Возле двери на скамье стояли ведро с водой и ковшик, поэтому угол там почти всегда был мокрым — кроме зимних дней, когда ковшик примерзал прямо к ведру. Посреди комнаты стояла печка. В зависимости от того, насколько близко к ней сидел ученик, он либо жарился, либо мёрз. Иногда замерзала даже еда в жестяных ведёрках, и перед обедом её приходилось оттаивать.

Осенью наиболее предприимчивые белки и бурундуки юркали внутрь через щели и оконные проёмы между брёвнами, воровали крошки и уносили их своим семействам. Весной, когда начинал идти кленовый сок, все переправлялись через реку на плоскодонках и помогали в маленьком лагере, где варили кленовый сахар. Луиза и Реджина Дил научили Эбби и Мэри Маккензи делать кленовые яйца. С узкого конца настоящего яйца осторожно снимали кусочек скорлупы, выливали содержимое, заливали внутрь кленовый сироп, а когда тот застывал, очищали скорлупу.

И вот уже на блюде лежали сладкие яйца — лакомство для зимних вечеринок. Осенью, когда Эбби было одиннадцать, вся молодёжь с северного берега реки собралась у Маккензи. Между двумя берегами уже начинало возникать некоторое общественное различие: север считался сельской стороной, южный — городской. Вечеринку устроили в честь Белль, которой вскоре предстояло выйти замуж.

Белль посадила возле бревенчатой хижины свой розовый куст. Но куры обклевали его, свиньи подрыли корни, а никакого аристократического джентльмена так и не появилось. Пришёл всего лишь простой фермерский парень, нанявшийся работать к Тому Грейвсу. Молодёжь приехала по речной дороге в больших хозяйственных повозках под полной луной. Немного-численную мебель вынесли наружу, освобождая место для гостей. На высоких полках зажгли сальные свечи.

В железном котле варилась тягучая карамель, которую потом будут растягивать руками. На блюдах лежали шарики из воздушной кукурузы и кленовые конфеты с орехами гикори, серыми орехами, фундуком и грецкими орехами. Молодые люди водили хороводы и играли в танцевальные игры, сами себе подпевая и отбивая ладонями ритм:

Не надо мне зерна, где долгоносик жил,

Не надо мне ячменя плохого.

Мне лучшей пшеницы подай, чтоб я испёк

Пирог для Чарли дорогого.

В самый разгар веселья возле дома остановился всадник. Кто-то крикнул:

— Эй там!.. Кто такой?

Все высыпали наружу. Это оказался Эд Мэтьюз. За лошадью он тащил на верёвке тушу оленя. Эду теперь было шестнадцать. На нём красовался «городской» охотничий наряд: похожие на кожу куртка и штаны, кепка с длинным козырьком и высокие, почти до бёдер, плотно облегавшие ноги сапоги. Когда все окружили добычу, Эбби первой заметила туго затянутый ремень на шее оленя.

И тут же подняла глаза на Вилла Дила. Лицо его потемнело, глаза вспыхнули. Все стали обсуждать странный ремешок на шее убитого животного. Но Вилл Дил молчал.

И Эбби, почувствовав, что он не хочет ничего объяснять, тоже промолчала. Реджина, Луиза и Мэри Маккензи наперебой пригласили Эда присоединиться к вечеринке. Он согласился и тут же оказался в центре игр и танцев. Но почему-то веселье уже было не тем.

Почему-то Эд Мэтьюз в своём городском охотничьем костюме испортил весь вечер. Когда лошадей уже запрягали и гости собирались разъезжаться, Эбби коснулась руки Вилла Дила.

— Это ведь была твоя маленькая олениха?

— Наверно.

Что-то подсказало Эбби сказать:

— Мне жаль, что именно он её застрелил.

Лицо Вилла снова потемнело.

— Да ну!.. Мне всё равно.

Но Эбби знала, что это неправда. Она знала: Виллу Дилу вовсе не всё равно. Два года спустя дедушку Дила избрали от округа в Генеральную ассамблею штата. До поселения доходили вести, что избиратели его любят и что там его прозвали «Старым Блэк-Хок» и «острословом палаты».

Виллу Дилу теперь было восемнадцать. Пока отец отсутствовал, всю осень он возил грузы из Дюбьюка. Но с наступлением весны этим занялся старший брат, а Вилл взял на себя работу на ферме. Однажды Эбби проходила мимо поля. Вилл остановил упряжку, уселся на рукоять плуга и позвал её послушать письмо от отца. Начиналось оно словами: «Дорогой друг», а заканчивалось: «Твой любящий отец».

Дедушка писал, что надеется, Вилл без особого труда справляется с полевыми работами; что поговаривают о разделении двух округов; что жить здесь ужасно дорого — целых три доллара в неделю; что его сестра Харриет уехала дилижансом; что уже потянулись искатели золота к Пайкс-Пику и весной ожидается настоящий наплыв людей в золотые края. Эбби ужасно гордилась тем, что такой взрослый молодой человек, как Вилл Дил, читает свои письма тринадцатилетней девочке.

А всего через несколько недель старого друга дедушки Дила из Спрингфилда выдвинули кандидатом в президенты Соединённых Штатов. Вернувшись домой, дедушка сказал, что если бы кто-нибудь знал Эйба Линкольна так же хорошо, как он, то ни за что на свете не поверил бы, что того когда-нибудь выдвинут в президенты. Но всё же, добавил он, в его долговязой шкуре хватает здравого смысла. Всё лето повсюду только и слышались политические разговоры — о рабстве, сторонниках отделения Южных штатов и о том, чем закончатся осенние выборы.

Мужчины останавливали повозки прямо на речной дороге и разговаривали так долго, что предоставленные самим себе лошади понемногу забредали в лес и принимались щипать сочные папоротники. Бабушка Дил ругалась из-за этого всё лето. Эбби слышала, как она жаловалась: столько раз приходилось держать обед горячим, пока дедушка болтал с мужчинами возле городского магазина или на ступенях школы, что скоро она вообще перестанет для него готовить. Зимой разговоры стали ещё жарче.

Эбби понимала далеко не всё, однако в феврале, когда была образована Южная Конфедерация, даже она почувствовала: происходит что-то очень серьёзное. Но, слушая дедушку Дила, девочка была совершенно уверена, что в марте Эйб Линкольн займёт президентское кресло — и тогда всё непременно наладится. А времени на разговоры у дедушки теперь будет сколько угодно. Его старое ремесло перевозчика между Дюбьюком и поселением подходило к концу.

Медленно, но неуклонно железную дорогу Дюбьюк — Су-Сити прокладывали всё дальше на запад. В марте Авраам Линкольн вступил в должность. Но всё не наладилось. Двадцать семь дней спустя первый «железный конь» из Дюбьюка с победным свистом промчался через ферму Дилов и пошёл дальше, к Сидар-Фолс.

Работа старого перевозчика закончилась. Для поселения железная дорога пришла как нельзя вовремя: вскоре события остановят дальнейшее строительство, и Сидар-Фолс на четыре года останется западной конечной станцией линии. Эбби уже исполнилось четырнадцать. В один апрельский день, когда река стояла высоко, а у корней деревьев ещё лежали комья снега, она отправилась в лес искать первые весенние цветы — анемоны, «голландские штанишки», кандыки и первые бутоны майских цветов.

Выйдя на свою любимую поляну, Эбби поднялась на травянистый холмик. На неё снова нашло то знакомое желание выплеснуть чувства в песне. Белкам она, возможно, казалась самой обыкновенной девочкой в зелёном клетчатом ситцевом платье, с рыжевато-каштановыми локонами, убранными в сеточку. Но белки просто не умели смотреть как следует. Потому что Эбби прекрасно знала: на ней тёмное бархатное платье, складками ниспадающее к ногам; на шее — нитка жемчуга; в руке — шляпа с роскошным длинным плюмажем.

Она небрежно держала её своими длинными тонкими пальцами, сужавшимися к кончикам. На вершине холмика Эбби повернулась. Перед ней раскинулось море белых лиц. Обычному человеку могло бы показаться, что это всего лишь сплошная масса цветущей дикой сливы.

Публика заплодировала ещё до того, как она начала петь. Несколько зрителей даже встали. Человек без волшебного зрения, пожалуй, решил бы, что ветер просто колышет цветущие ветви. Эбби поклонилась.

Улыбнулась. Подождала, пока зазвучит аккомпанемент. Пальцами коснулась жемчуга и ободряюще улыбнулась девушке за фисгармонией. И вдруг поняла, что эта девушка — талантливая сирота, которой она, Эбби, помогает пробиться в жизни.

От этой мысли стало легко и радостно. Она откинула голову и запела:

*Ах, прекрасна дама Ли,
Юна, весела, мила,
Всех прекрасней в мире была
Чудесная дама Ли.*

Для Эбби эта песня заключала в себе всё волшебство «Тысячи и одной ночи». Она распахивала дверь в заколдованный дворец. От неё словно веяло духами и пряностями. Она обещала все чудесные вещи, которые ждут впереди.

Много женихов к ней шло:

Было золото, земля...

Голос Эбби поднимался всё выше — чистый, сладкий и мелодичный:

Всё исполнить жизнь могла

Для прекрасной дамы Ли.

Сердце её готово было разорваться от любви к деревьям, небу и музыке.

Ах, прекрасна дама Ли,

Юна, весела, мила...

Где-то впереди словно мерцал свет. Он звал её. Маленький блуждающий огонёк сиял там, за поселением, за Большим лесом. О нём никто не знал.

Ни мама. Ни Мэри. Ни Белль. Он светил только для неё — для Эбби и других прекрасных дам.

Вся из грёз она была —

Чудесная дама Ли.

Песня смолкла. Эбби уже кланялась невидимой публике, когда услышала:

— Эбби!.. Эбби!.. Э-эбби-и!

Вдалеке звала Мэри. И плакала. Эбби выбежала с поляны, перебралась через жердевую изгородь и увидела сестру. Мэри шла к ней, плакала и продолжала звать:

— Эбби! Только что из Дюбьюка пришла весть: по форту Самтер открыли огонь.

Эбби схватила её за руки.

— Что?.. Что это значит, Мэри?

Мэри ответила едва слышным, хриплым шёпотом:

— Это значит... Дедушка Дил говорит, это значит война.

Глава V

Да, это означало войну. Джеймс ушёл по первому призыву, а молодой муж Белль записался в армию, даже не сказав ей заранее о своём решении. Эбби казалось, что она не вынесет, если увидит, как они уходят. Будто сама жизнь делала с ней что-то такое, чему она не могла противостоять. Ей всё время чудилось, что мимо неё дует ветер — ветер, который невозможно остановить. В материнской хижине Эбби стояла перед часами «Сет Томас» на полке и смотрела, как стрелки ползут над маленькой коричневой церковью, нарисованной на стеклянной дверце.

Остановись, Время, хотя бы на несколько минут, пока мы не успеем что-нибудь сделать с этой войной.

Но ветер продолжал дуть, стрелки часов — двигаться по кругу, а Джеймс, муж Белль и несколько соседских парней уже ушли воевать. В 1862 году, когда Линкольн призвал новых добровольцев, девятнадцатилетний Денни вступил в резервный отряд Сидар-Фолс — сотню крепких молодых мужчин. И Эбби снова пережила всю боль расставания, снова провожала брата и ненавидела войну. А потом она узнала, что бывает нечто ещё хуже, чем уйти на войну.

Не иметь возможности уйти. Так сказал ей Вилл Дил. Ему был двадцать один год. Он был здоров и силен — и должен был смотреть, как резервисты садятся в поезд, а сам оставаться дома. Ему было стыдно. Он мучился.

Но отец был одноруким, вдобавок заседал в Ассамблее; ферму вести было некому, а мать, Реджина и Луиза зависели от Вилла. Он не мог уйти. И странно было, что из всех людей в округе именно шестнадцатилетняя Эбби Маккензи стала той, кому Вилл Дил поверял свои мысли. А раз он доверился ей, Эбби тоже рассказала ему то, чего никогда прежде не говорила ни одной живой душе.

Однажды она станет кем-то большим. Она чувствовала это. Ей предстоит совершить что-то великое: петь перед огромными залами, писать прекрасные картины, которые будут висеть в рамах, сочинять книги.

— Знаешь, Вилл, я не хочу, чтобы надо мной смеялись... А ты, мне кажется, не станешь. Иногда мне вдруг так ясно чувствуется, что я действительно способна на всё это. Будто впереди меня в лесу горит какой-то свет — сияет, зовёт, а сам всё остаётся далеко. И когда я читаю стихи... или слышу музыку... или пою... он зовёт меня к себе... И у меня даже горло болит оттого, как сильно хочется сделать что-то великое.

Вилл не засмеялся. Только некоторое время странно смотрел на неё. И впервые заметил, что кожа у Эбби такая же нежно-белая, как лепестки майских цветов в Большом лесу; губы — густого красного цвета, глаза — тёмно-карие, а в копне вьющихся волос смешались оба оттенка — и красный, и коричневый. На следующий год Эд Мэтьюз, вернувшийся с Востока из колледжа, попал под призыв.

Доктор Мэтьюз разыскал Вилла прямо в поле, где тот косил пшеницу серповой косой, и предложил ему пятьсот долларов, если он пойдёт служить вместо Эда. Вилл вернулся домой, положил матери на колени мешочек с золотыми монетами и сказал:

— Я ухожу, мама. Этих денег хватит, чтобы нанять работников.

Уезжал он с новой станции железной дороги Дюбьюк — Су-Сити, в двух милях от отцовской фермы. Дедушка Дил был там — с тяжёлым сердцем, но всё равно шутил с парнями. Бабушка Дил тоже пришла, в своём чёрном чепце, завязанном под морщинистым лицом. Она ворчала, что Вилл уезжает, что вагон наверняка будет переполнен, и по своему обыкновению бранила всё вокруг. Почему люди не отойдут подальше?

Почему нельзя ехать завтра? Почему все так шумят? Мэгги О'Коннер Маккензи тоже была на станции — в белом чепце, завязанном под её полным спокойным лицом. И Эбби

Маккензи была там — в узорчатом шерстяном платье поверх кринолина и маленькой плоской шляпке с цветами, надвинутой на лоб.

Господи, останови этот ветер, который проносится мимо. Ветер, уносящий Время. Останови стрелки часов, пока я не успею понять, должен ли Вилл Дил уходить на войну.

И тут произошло нечто неожиданное. Поезд уже собирался тронуться. Вокруг звучали прощальные слова, стояли шум, слёзы, суматоха. Вилл пожал единственную руку отца, поцеловал морщинистые щёки матери, попрощался с Реджиной и Луизой.

Потом протянул руку Эбби Маккензи... И вдруг вместо рукопожатия поцеловал её. А если из-за меньшего проигрывали сражения и рушились королевства, кто посмеет винить Эбби Маккензи за то, что в её собственном маленьком королевстве началась настоящая революция, пока она ехала домой со станции в хозяйственной повозке через прерию и по тёмной сырой речной дороге? Осенью 1864 года Эбби было семнадцать, и теперь она сама преподавала в местной школе.

Школа была уже новая — белая, с зелёными ставнями, — но стояла на том же месте, где заросли орешника спускались к речному берегу. Той осенью среди учеников остался всего один взрослый парень — безобидный несчастный, которого дедушка Дил называл «на три четверти умным». Остальные были «с Шерманом». А Шерман стоял под Атлантой.

Мысли Эбби всё время были с ними — с парнями в поношенной синей форме. С Джеймсом. С Денни. Со всеми бывшими школьными товарищами.

Пока дети монотонно тянули тексты из хрестоматий Макгаффи, корпели над арифметикой и выводили тесные строчки в прописях, она думала о солдатах.

Господи, верни их всех домой живыми. Пожалуйста, верни их... Джеймса, Денни и Вилла Дила.

У неё были и другие друзья, другие школьные товарищи. Но никто не казался ей таким сильным, достойным и чистым, как Вилл Дил. И никто так хорошо её не понимал. Всякий раз, когда Эбби хотелось, чтобы кто-нибудь её понял, она вспоминала Вилла — человека, который не смеялся над её мечтами, а принимал их всерьёз.

Эд Мэтьюз, заплативший за замену на военной службе, той осенью на несколько дней вернулся домой. Эд собирался стать врачом, как его отец. Несколько раз он останавливал лошадь у школьной двери и, перекинув поводья через руку, разговаривал с Эбби. Его внимание немного льстило ей.

Всё-таки приятно, когда из всех девушек округи молодой человек вроде Эда выделяет именно тебя. Эбби никак не могла решить, нравится он ей или нет. Вилл Дил Эда не любил. Никогда не любил. Но Вилл был предвзят.

А посмотреть на Эда было приятно: одевался он действительно великолепно. В костюме для верховой езды выглядел настоящим щёголем. Правда, про него ходили кое-какие слухи. Говорили, что иногда он выпивает и по вечерам ездит по одной боковой дороге, которой порядочные люди стараются избегать. Но, насколько знала Эбби, никто ничего не доказал.

Наверное, люди просто завидовали ему и тем возможностям, которые перед ним открывались. В одну октябрьскую пятницу, когда заросли орешника стали такими же бронзово-коричневыми, как волосы Эбби, а Большой лес вспыхнул багрянцем, медью и алым цветом, она закрыла школу и отправилась домой. Вдали по дороге, вдоль которой с северной стороны фермы Дилов желтели гледичии, ехал новый модный высокий экипаж доктора Мэтьюза. Эбби подумала, что, выйди она немного раньше, могла бы попросить доктора подвезти её.

Впрочем, ей было всё равно. Идти пешком было приятно. Кто мог поверить в такой тёплый осенний день, что где-то далеко на Юге грохочут пушки? Не доходя до дома, Эбби остановилась.

Неожиданно повернула, перелезла через жердевую ограду и пошла среди дубов к старой поляне, куда сквозь кружево листвы падало октябрьское солнце. Она не бывала здесь уже

несколько лет. Тот самый травянистый холмик всё ещё возвышался между огромными деревьями. Эбби поднялась на него.

Снова повернулась к невидимому залу — к той неуловимой мечте, которая всегда жила внутри неё. Она уже почти смеялась над собственными детскими фантазиями. И всё же была совершенно серьёзна. Здесь, в лесном одиночестве, она развязала ленты и распустила густые рыжевато-каштановые волосы.

Расстегнула верхние пуговицы сиреневого платья с мелким цветочным узором и чуть спустила его с плеч, подвернув край. Рыже-бронзовые волосы с золотистыми бликами обрамляли её нежное белое лицо, а тёплые карие глаза были полуприкрыты. Эбби Маккензи откинула голову и запела:

*Ах, прекрасна дама Ли,
Юна, весела, мила,
Всех прекрасней в мире была
Чудесная дама Ли.*

Звуки поднимались вверх, словно птицы в брачном полёте. В них звучали желание и тоска по его исполнению.

*Но однажды к ней пришёл
Юный рыцарь знатных кровей,
Сердце, руку просил у ней —
И любовь зажглась.*

Мелодия пульсировала радостью жизни и её печалью, красотой мира и горем войны.

*Но отвергла дама вновь,
Гордо не приняв любовь.
Он ушёл — и угасла кровь,
И склонилась дама...*

Хрустнула ветка. И вместе с ней оборвалась нота. Эбби испуганно обернулась. Рядом стоял Эд Мэтьюз.

Его светлое лицо пылало. Эбби вскрикнула и, охваченная испугом и смущением, схватилась за ворот платья. Но Эд уже обнял её. Он целовал её полные красные губы, белую шею, прятал разгорячённое лицо в рыже-бронзовых волосах.

— Эбби... Эбби... кокетка ты моя!.. Ты чудесная... прекрасная. Я люблю тебя. Я и не знал... Я хочу тебя... Ты поедешь со мной... Ты выйдешь за меня... Я увезу тебя на Восток... в Нью-Йорк... Твой голос... Я даже не представлял... Ты будешь учиться у лучших преподавателей... Мне завтра надо возвращаться... Эбби... кокетка!.. А у нас осталась сегодняшняя ночь... эта ночь наша...

Поток его страстных слов словно увлёк её за собой. Эбби не могла ни думать, ни понимать, что происходит. Когда она наконец обрела голос, слова вырвались почти сами собой:

— Не надо, Эд. Не трогай меня. Ты не имеешь права. Не имеешь права.

Она пыталась застегнуть высокий ворот платья, отталкивала настойчивую руку Эда, торопливо собирала рыже-каштановые локоны. Его смех смущал и пугал её. Он был так уверен в себе. И в ней тоже.

Когда они подошли к хижине Маккензи, солнце уже садилось. Долгое время они стояли перед домом и разговаривали. Разгорячённое лицо Эда склонялось к Эбби.

— Мне кажется, что да, Эд... но я не уверена. Всё произошло так неожиданно... Когда ты вернёшься весной, тогда я уже буду знать точно.

— Ты просто играешь со мной. Ты и вправду кокетка.

— Нет, Эд... Я правда не уверена.

— Не уверена, хочешь ли выйти за меня?

Самооценку Эда Мэтьюза никак нельзя было назвать заниженной.

— Не уверена, хочешь ли поехать в Нью-Йорк... с таким голосом?

— О, Эд, если бы я поехала...

В эту минуту Эбби вдруг снова стала похожа на ребёнка — мечтательного и незащищённого.

— Я стала бы прекрасной дамой?

Насмешливость и самоуверенность Эда исчезли. Стихла и его горячность. Он наклонился и поцеловал красивую тонкую руку Эбби.

— Ты стала бы прекрасной дамой, — мягко сказал он.

Когда Эд ушёл, Мэри и матушка Маккензи тут же увели Эбби в дом и потребовали рассказать, что произошло. Эбби взяла с Мэри обещание никому не говорить. Та была так взволнована, что не могла закончить ни одной фразы:

— Эбби... ты... доктор Эд Мэтьюз... Нью-Йорк... твой голос... учителя в Нью-Йорке... а вдруг опера...

Матушка Маккензи серьёзно спросила:

— А ты его любишь, душа моя?

Эбби повернула к матери пылающее лицо и ухватила за её полные плечи.

— Не знаю. Мама, скажи мне, что такое любовь?

— Этого, — ответила Мэгги О'Коннер Маккензи, — я тебе сказать не могу. И никто не сможет. Только сама поймёшь. Я вот поняла, когда пришло моё время. И ты поймёшь, Эбби. Сама.

Эбби поднялась в свою комнату на чердаке. Ей хотелось остаться одной. Любовь? Неужели это и есть любовь?

Возможность поехать в Нью-Йорк и учиться? Её голос... Новый мир... Мир учтивых джентльменов и прекрасных дам, шёлковых шалей, жемчужных ожерелий и длинных белых плюмажей.

Но в этом мире был и Эд Мэтьюз — с его не совсем твёрдым взглядом, тревожащим смехом и смутными неподтверждёнными слухами. Но ведь он любит её. Это несомненно. Или... не так уж несомненно?

Его поцелуй... Лицо Эбби снова вспыхнуло при одном воспоминании. Она подумала о Вилле Диле. О том дне два года назад, когда он уезжал на войну.

Вилл тоже её поцеловал. И вдруг Эбби отчаянно захотелось рассказать обо всём Виллу Дилу. Вилл помог бы ей разобраться в собственных чувствах. Помог бы понять, что такое любовь.

Из всех людей на свете именно Вилл понимал её лучше всех. Он был такой спокойный. Такой надёжный.

Господи, верни Вилла Дила домой живым и скорее — пусть он поможет мне понять.

Глава VI

Президентская кампания 1864 года была в самом разгаре. В городке проходили шествия, развевались знамёна, горели факелы, произносились длинные напыщенные речи. Генерал Шерман приближался к Атланте, а дедушка Дил приближался к генералу Шерману. Губернатор Кирквуд поручил ему отправиться в первую дивизию Пятнадцатого армейского корпуса генерала Логана, чтобы доставить в Айову голоса солдат этого штата.

Прошло много недель, прежде чем дедушка вернулся. Атланта пала. Связь с Севером была прервана: генерал Шерман начал свой изнурительный марш к морю. И вместе с марширующими колоннами ехал дедушка Дил — верхом на лошади, грива которой была такой же чёрной, как его собственная густая шевелюра.

Когда он наконец вернулся домой, то выглядел настоящим старым морским волком: через плечо на ремне висел мешок с бюллетенями, а в одной руке он нёс потёртый саквояж. В нём находилось жалованье, которое правительство передало многим солдатам из Айовы. В ту неделю Эбби, по обычаю сельских учителей, жила в доме Дилов, когда вернулся дедушка. Он с огромным удовольствием рассказывал семье о своих приключениях, а его льдисто-голубые глаза поблёскивали из-под густых бровей.

— Я всегда бросал старый саквояж на землю, — рассказывал он, беззвучно посмеиваясь, — да ещё пинал его ногой для верности, чтобы никто не подумал, будто там есть что-нибудь ценное. А внутри всё это время лежали две тысячи четырёхста двадцать два доллара.

Эбби облизнула пересохшие губы.

— А вы... вы случайно не видели Уилла?

Смешинки исчезли. Да, дедушка видел Уилла. Более того, он старался держаться как можно ближе к роте В 31-го Айовского полка. Несколько раз, когда Уилл совсем выбивался из сил, дедушка пытался заставить его проехать верхом.

Несколько вечеров сидел вместе с ним у лагерного костра, пока солдаты пели, шутили и рассказывали истории, стараясь поддерживать друг друга.

— Дым от этих костров был такой густой и чёрный — смолистые сосновые дрова, — рассказывал дедушка. — Парни даже вроде как извинялись передо мной: мол, я всё-таки гость в походе. А я им отвечал, что чёрный дым моей наружности особенно повредить уже не может.

Через несколько минут он совершенно серьёзно сказал:

— Уилла поймали на воровстве.

— На воровстве?

Эбби словно пронзило. Они с бабушкой Дил испуганно посмотрели друг на друга.

— Да. На воровстве, — продолжал дедушка с мучительным выражением лица.

— Мой мальчик украл? — и без того тревожное лицо бабушки стало ещё тревожнее.

— Это было под Саванной. На человека выдавали по одному початку кукурузы. А у берега стояли транспорты с продовольствием для наших ребят, только войти в гавань они не могли, пока не пали укрепления. И тогда мой сын...

Голос его задрожал от притворного горя.

— Мой сын пошёл к загону...

Глаза уже начинали смеяться.

— ...украл у армейских мулов два початка кукурузы и сварил их себе на ужин.

Бабушка рассердилась.

— Нечего меня так пугать! Всю жизнь только и делаешь, что шутишь.

— Ну полно, мать. Лучше смеяться, чем плакать. Может, Уилл теперь до конца своих дней будет мучиться угрызениями совести и слышать в ней рёв тех бедных, беспомощных, тощих, мышастых казённых мулов.

Когда Эбби собралась идти в школу, дедушка как бы невзначай вышел следом.

— Хорошо поговорили с Уиллом.

Он одним глазом покосился на колодезный журавль.

— Правда?

— Ага. Спрашивал, как поживают все в Айове.

— Правда?

— Ага. Потом особенно интересовался, как там все из Блэкхока.

— Правда?

— Ага. Потом, значит, спрашивал, как вообще поживают люди в наших местах.

— Правда?

— Ага. А потом уже отдельно спросил, как поживаешь ты.

— О... правда?

— Ага. Сказал мне... Если я правильно помню его точные слова: «Как там моя Эбби-девочка?»

Эбби пошла по покрытому ледяной коркой снегу, охваченная противоречивыми чувствами. За тугим корсажем платья лежало горячее письмо Эда Мэтьюза и вместе с ним — планы её будущей жизни. А в сердце жила память об одном-единственном поцелуе Уилла Дила. И эта память была сильнее всего остального.

Той осенью в растущий городок приехали новый священник с женой. Они были из Вермонта. Преподобный Эзра Уитмен держался величественно, был немного напыщен и склонен к учёности. Миссис Уитмен была утончённой, говорила мягко и окончила женскую семинарию.

Она очень заинтересовалась Эбби, и молодая учительница стала приезжать к ней в город. Оказалось, миссис Уитмен немного занималась живописью. В маленьком новом каркасном доме супругов висело несколько картин маслом, которые Эбби казались вершиной искусства, а на мольберте почти всегда стоял незаконченный холст. Краски завораживали девушку.

Ей отчаянно хотелось самой взять кисть. Наверное, глаза выдали это невысказанное желание, потому что однажды миссис Уитмен спросила:

— Не хочешь попробовать?

Эбби была вне себя от счастья. Очень неумело, но с каким-то врождённым чутьём она написала на ненужном кусочке холста небольшую группу деревьев.

— Я никогда не успокоюсь, пока не научусь делать это хорошо, — сказала она.

С тех пор по приглашению миссис Уитмен Эбби начала заниматься живописью вместе с ней. Когда могла — приезжала в город верхом. А когда другого способа не было, проходила две с половиной мили пешком по слякоти и грязи.

— Но всё-таки самые большие надежды подаёт твой голос, — сказала ей миссис Уитмен. — Жаль, я не могу помочь тебе и с этим. Когда приедет сестра мистера Уитмена, она сможет что-нибудь посоветовать. Она преподаёт пение в той семинарии, где я училась.

Когда сестра приехала и услышала Эбби, то пришла в восторг.

— Хорошо? Это гораздо больше, чем просто хорошо. Это великолепно. С таким голосом можно добиться очень многого. Когда-нибудь тебе обязательно надо поехать на Восток и брать уроки.

Но Эбби постеснялась сказать, что возможность поехать в Нью-Йорк учиться у неё уже есть. Похвала повлияла на её решение. Если её голос действительно настолько хорош, как говорит миссис Уитмен... И вот в тот апрельский день, когда генерал Ли капитулировал, Эбби Маккензи тоже капитулировала.

Она написала Эду Мэтьюзу, что согласна выйти за него замуж. Отправив письмо в город, Эбби пошла на свой старый травянистый пригорок среди лесной поляны — петь. Но пение не шло. Чего-то не хватало.

Мелодия звучала плоско, некрасиво — словно песня, из которой ушла душа. В последние недели Эбби была беспокойна, нервна и немного печальна. Она убеждала себя, что причиной стало убийство Линкольна.

Отчасти так и было: всё поселение скорбело. Но Эбби знала, что не только трагическая смерть президента была причиной её состояния. В один из майских дней, когда гледичии стояли в цвету, она остановилась у дверей школы и смотрела, как поезд с востока с пронзительным грохотом пересекает недавно засеянные кукурузные поля дедушки Дила. Эбби вымыла доску.

Привела в порядок учительский стол. Заперла школу. И пошла домой. И вдруг увидела человека, идущего по дороге.

Эбби замерла. Сердце бешено колотилось — она ещё не была уверена, кто это. Весь мир вокруг превратился в прекрасную картину: солнечный свет,

голубое небо, цветущие гледичии, пчёлы среди цветов — живой, трепещущий весенний мир.

Навстречу ей шёл Уилл Дил. В синей солдатской форме. Эбби не могла отвести глаз от его лица. Он улыбался — немного вопросительно, чуть насмешливо, но за этой улыбкой было что-то бесконечно более нежное.

Уилл снял с плеча ранец. Раскрыл руки. И Эбби быстро, легко побежала к нему.

— Ох, Уилл... Не позволяй мне... Не позволяй мне это сделать...

Эбби почти истерически разрыдалась. Два года Эбби Маккензи не пролила ни одной слезы. А теперь плакала в объятиях Уилла Дила. Он крепко прижал её к себе и гладил рыжевато-каштановые волосы, отводя их от белого лба.

— Сделать что, Эбби-девочка?

В его голосе была одна нежность — и желание понять.

— Выйти замуж за Эда Мэтьюза.

Уилл резко прижал её ещё крепче. Поцеловал. Прижался лицом к её щеке, нежной, как лепестки майского цветка. И Эбби подумала о кораблях, которые возвращаются домой, в гавань.

— Ещё чего! Он мог купить мне замену на войну... но мою Эбби он купить не сможет.

— Я всё время боялась, Уилл.

Уилл продолжал гладить её волосы.

— Чего ты боялась, Эбби-девочка?

— Не знаю. Просто боялась.

— А со мной тебе не страшно?

— С тобой — нет, Уилл. Почему?

— Потому что я люблю тебя. А ты любишь меня.

— Да...

Вот почему. И мне больше не страшно.

— Жизни со мной не боишься, Эбби-девочка?

— С тобой я ничего не боюсь, Уилл.

— И всегда будешь меня любить?

— Всегда, Уилл.

В этой жизни и в следующей. Лучи послеполюденного солнца становились всё длиннее и ложились на поля. Цветы гледичий осыпались на дорогу. Пчёлы шумно забирались в самую глубину цветков.

Уилл и Эбби всё стояли там. Вся мелодия жизни наконец звучала в лад. И весь рай, которого они желали, был здесь — на дороге под гледичиями.

Глава VII

Они поженились зимой 1865 года, когда Эбби ещё не исполнилось девятнадцати, а Виллу было двадцать три. День выдался мягкий, почти тёплый — для этого времени года явление необычное.

— К перемене погоды, — говорили все.

Несколько мужчин даже сняли куртки и среди дня работали в одних рубашках — чтобы потом, спустя годы, рассказывать об этом удивительном зимнем дне. Мэгги Маккензи, Эбби и Мэри вынесли из бревенчатой хижины мебель, освобождая место для гостей. Двум детям Джанет поручили следить, чтобы куры не забирались на вынесенные вещи. Но ребяташки так увлеклись приготовлениями к праздничному столу, что ненадолго оставили свой пост, и старая курица тут же взлетела на высокий комод и снесла яйцо прямо в корзинку для рукоделия.

Эбби сшила себе два новых платья из ткани, присланной из Чикаго. Одно — винного цвета, из мериносовой шерсти, другое — из коричневой альпаки. Оба были сшиты по последней моде: пышные юбки поверх кринолинов и боковые драпировки. Особой гордостью Эбби была новая маленькая шляпка, похожая формой на маслѐнку и украшенная бантами. К вечеру великого дня Эбби совсем разволновалась: нужно было успеть сделать ещё столько всего.

На плите в котле грелась вода, а наверх следовало принести деревянную лохань для купания. Надо было снять сливки с молока, чтобы смягчить ими кожу лица и рук. И Эбби чуть не забыла о муке, которую следовало поджарить в печи, чтобы потом припудрить ею тело. Бэзилу теперь было пятнадцать. Он помог перенести горячую воду наверх по лестнице, где вместо ступеней были прибиты жерди, а затем взвалил деревянную лохань на крепкое молодое плечо и поднял её в чердачную комнату.

Несмотря на необычно тёплый день, наверху было прохладно для купания. Но Эбби была молода, здорова и к подобным неудобствам привыкла. Она надела батистовую сорочку и панталоны, затем тугой корсет, задерживая дыхание, пока не затянула его так, что двумя руками почти могла обхватить талию. За корсаж она спрятала маленький сетчатый мешочек с высушенными лепестками роз. От них исходил слабый, волнующий аромат давно минувших июней. Потом Эбби надела длинный складной кринолин с девятнадцатью обтянутыми белой тканью проволочными обручами.

Следом — три белые батистовые нижние юбки, накрахмаленные почти до фарфоровой жѐсткости и отделанные оборками до колен. Эбби с матерью вручную подрубили семьдесят два ярда этих оборок. У бабушки Дил уже была швейная машина Хоу, но позволить себе такую вещь могла далеко не каждая семья. Наконец Эбби надела своё платье винного цвета, украшенное бесчисленными рядами складочек из той же ткани и боковыми драпировками. Она как раз поправляла волосы и вытягивала длинный локон на плечо, когда мать, тяжело дыша, стала медленно подниматься по лестнице.

Мама теперь старела. Ей было сорок семь — грузная, спокойная женщина. В проёме показалось её полное круглое лицо под белым чепцом, завязанным тесѐмками под двойным подбородком. Эбби подошла и взяла мать за руку, чтобы та не упала. И тут увидела: в другой руке Мэгги держит тот самый сундучок, обтянутый телячьей шкурой.

После подъѐма Мэгги несколько мгновений не могла отдышаться.

— Эбби, я хочу отдать тебе жемчуг. Веер я берегу для Мэри. Джанет получила брошь, ты ведь знаешь, а Белль — шаль. Белль всегда ужас как хотела эту шаль. А жемчуг будет твой. Пока он у тебя, с голоду не пропадёшь.

Она открыла маленький мохнатый сундучок, достала бархатную коробочку, а из неё — жемчужное ожерелье. Жемчужины заскользили между её короткими толстыми пальцами. Их мягкий кремовый блеск странно смотрелся в полной крестьянской руке.

— Они принадлежали матери Бэзила. Она была настоящая дама. После её смерти... Бэзил подарил их мне, когда мы ещё были богаты. Только не богатство принесло нам счастье. Сколько раз я ненавидела его... мечтала о маленьком доме где-нибудь... чтобы укрыться от ветра и дождя... и чтобы вещей было совсем немного...

Эбби взяла жемчуг, и в её карих глазах появились слёзы. На молодой крепкой ладони лежало ожерелье, отливая мягким кремовым светом. И снова Эбби вспомнила Изабель Андерс-Маккензи. Прикосновение к драгоценностям словно приближало её, вызывало образ прекрасной женщины с портрета в широкой золотой раме — женщины в ниспадающем бархатном платье, с длинным развевающимся плюмажем и тонкими пальцами, сужавшимися к кончикам.

Когда-нибудь Эбби станет такой же. Когда-нибудь и она будет прекрасной, изящной и богатой. Вся жизнь лежала перед ней. Всё будущее принадлежало ей.

А теперь в этом будущем был Вилл с его спокойными серыми глазами — Вилл Дил, похожий на тихую гавань. Эбби тихо запела:

Ах, прекрасна дама Ли,

Юна, весела, мила...

Она приложила жемчуг к платью винного цвета и посмотрелась в маленькое продолговатое зеркало.

Всех прекрасней в мире была

Чудесная дама Ли.

Потом повернулась к матери. Лицо её покраснелось и стало удивительно нежным.

— Спасибо, мама... большое спасибо. Я сохраню его навсегда. Но к тёмному платью с высоким воротом... сегодня я всё-таки его не надену. Потом, когда мы с Виллом разбогатеем, буду носить. И, может быть, у нас...

Эбби смутилась и густо покраснела.

— Может быть, когда-нибудь у нас родится дочь, и она наденет его в день своей свадьбы... с белым атласным платьем... и всем, что к нему полагается...

Эбби прошла через тусклую чердачную комнату, а проволочные обручи её юбки подпрыгивали при каждом шаге. Она опустилась на колени возле материнского стула, и юбки легли вокруг неё огромным кругом. Эбби прижалась головой к матери.

— И потом, мама... ты ведь понимаешь? Когда идёшь за своим сердцем, жемчуг для счастья не нужен.

Мэгги понимала. Настало время спускаться. Эбби полезла вниз по лестнице спиной вперёд — иначе кринолин не позволил бы ей спуститься, сохранив хоть какое-то подобие приличия. Скрипачи уже играли «Девушку, которую я оставил».

Вилл был здесь — высокий, статный, красивый, в чёрном костюме, который сшила ему бабушка Дил. Дедушка Дил тоже был здесь — одорукий, с доброй смешинкой в ледяно-голубых глазах. И, конечно, шутил. Бабушка Дил сидела в чёрном чепце с чёрными тесёмками, завязанными под лицом, испещрённым тонкой сеткой бесчисленных морщин. Она нервничала, суежилась и ворчала.

Почему мужчины не отойдут подальше? Почему дверь не закрывают? Куда запропастился священник? Тысяча мелких тревог, словно тысяча мошек, не давали ей покоя.

Целые семьи приехали в хозяйственных повозках. Только Реджина Дил со своим женихом и доктор с миссис Мэтьюз прибыли в высоких экипажах. Когда доктор и его жена вошли, по комнате пробежал лёгкий шумок. Кто-то зашептался: правда ли, что молодой доктор Эд хотел жениться на Эбби? И вдруг все стихли.

— Поскольку мы собрались здесь пред лицом Господа...

Неожиданно Эбби захотелось остановить церемонию. В голове возникла та же странная мысль — будто мимо проносится ветер, который невозможно остановить. Время. Оно уходит.

Его нельзя удержать.

Остановись, Время, хотя бы на минуту. Дай мне понять, что за странная вещь сейчас со мной происходит.

— Берёшь ли ты эту женщину... в болезни... и в здравии... пока смерть...

Как странно сейчас говорить о смерти, когда впереди была жизнь.

— ...этого мужчину... в законные мужа?..

— Да.

Но, Вилл... Вилл... кто ты? Знаю ли я тебя?

И вдруг Эбби Маккензи стала Эбби Дил. Скрипачи заиграли «Money Musk», потом «Turkey in the Straw». Начались танцы — сложные кадрили с множеством фигур. Дедушка Дил захотел выбрать себе партнёршу, но бабушка сказала, что в пятьдесят пять лет старому человеку глупо пускаться в пляс.

Зато Мэгги О'Коннер Маккензи танцевала. Одна. Легко, хотя и тяжело дыша, она вышла на середину комнаты под песню о далёкой Ирландии и тех днях, когда сердце было молодо. На длинных досках, положенных на козлы вместо столов, стояли бисквиты, жареные цыплята, пироги и сидр.

Потом снова танцевали. Тёмное серьёзное лицо Вилла Дила склонилось над покрасневшим лицом Эбби — нежным, словно кремовый лепесток. А на окне длинным рядом стояли любовные яблоки — красные, спелые помидоры.

Книга вторая. Навстречу прерии

Глава VIII

Вилл и Эбби отправились к дедушке Дилу в двухколёсной повозке, запряжённой старой белой кобылой. Ехали они так медленно, что на речной дороге их обогнали несколько экипажей: дедушка и бабушка Дил с Луизой в большой хозяйственной повозке, запряжённой парой отличных лошадей, а следом — Реджина Дил со своим женихом в новом высоком экипаже. Дедушка, проезжая мимо, засмеялся и отпустил несколько озорных шуточек, но бабушка тут же велела ему прекратить глупости и смотреть за дорогой.

В большом пятикомнатном бревенчатом доме Виллу и Эбби отвели переднюю спальню. В последующие недели Вилл занимался обычными фермерскими работами у отца, а Эбби с молодым усердием взялась за хозяйство. Ради Вилла она старалась терпеливо переносить мелкие придирки его матери. Но они изматывали её, словно вода, капля за каплей падающая на камень. Бабушка Дил была неисправимой ворчуньей и прирождённой пессимисткой. В самых обыкновенных явлениях природы она видела дурные предзнаменования.

Если собака ела траву, если птица залетала в дом, если луна показывалась из-за облака — значит, непременно должно было случиться что-нибудь ужасное. А сама жизнь, казалось, означала для неё только работу. От первого рассветного луча до последнего отблеска заката она трудилась по дому. И стоило закончить все дела, как бабушка тут же доставала коробку со сложными лоскутными блоками для одеял — «Роза Шарона», «Вифлеемская звезда», «Восходящее солнце» или «Бревенчатая хижина». К дедушке Дилу Эбби, напротив, испытывала одну только любовь.

Его простоватый янки-юмор всегда вызывал у неё звонкий смех, а культя вместо руки заставляла относиться к нему ещё нежнее. Глядя на супругов, Эбби удивлялась: как ему удаётся сохранять такую жизнерадостность? Он никогда не перечил жене, никогда по-настоящему с ней не спорил и не выходил из себя.

— Ну, мама, — говорил он, — неужели ты не видишь, что это смешно?

— Нет, не вижу, — огрызалась она. — И ты бы не видел, если бы перестал глупо шутить и занялся делом.

До настоящей ссоры дело никогда не доходило. Почувствовав её приближение, дедушка отправлялся в сарай, насвистывая по дороге. Да, отца Вилла Эбби любила больше, чем его мать. Примерно так же различалось её отношение к Луизе и Реджине. Луиза была деятельной, приятной и миролюбивой. Реджина — эгоистичной, любила затевать неприятности и всячески увиливала от работы.

Молодой фермер, который теперь ухаживал за Реджиной, первоначально приходил к Луизе. Эбби не знала подробностей, но была почти уверена, что Реджина весьма искусно устроила эту перемену. Всю весну Эбби, опасаясь, что семья сочтёт её недостаточно работающей, брала на себя даже больше домашних обязанностей, чем следовало. Она помогала вываривать кленовый сок в сахар, подметала, вытирала пыль, пекла, готовила и полностью взяла на себя заботу о курах. Луиза добросовестно работала вместе с ней.

А Реджина ускользала от обязанностей с ловкостью угря. И тут Эбби почувствовала себя нехорошо. Однажды она услышала ворчание бабушки:

— Она свою долю работы не делает. Я ведь говорила: слишком хорошо, чтобы долго продолжалось. С самого начала знала, что так и будет.

Голос дедушки прозвучал спокойно и терпеливо:

— Ну, мама, мне кажется, я понимаю, что с ней. Не хочешь же ты, чтобы она надорвалась?

— Надорвалась! Я восьмерых детей на свет родила. И что-то ни разу не видела, чтобы хоть кому-нибудь было дело, не надрываюсь ли я.

— Ну, мама, я бы так не говорил. Тяжело тебе было, это правда, но здоровье у тебя было крепкое, и я всегда находил тебе помощниц.

— Ага, целую ораву соседских девчонок, от которых пользы — на грош. Теперь, небось, ещё и за Эбби ухаживать мне придётся. Никому нет дела, помру я или нет.

Эбби услышала, как дедушка, насвистывая, отправился в сарай. А сама бросилась на кровать и расплакалась от обиды и неудовлетворённости. Всё сильнее ей хотелось собственного дома. Пусть он был бы не лучше того старого овечьего сарая, в котором она жила одно лето в детстве, — зато свой.

Вилл был добр к ней, внимателен и всё понимал. И всё-таки словно не замечал, насколько сильно Эбби мечтает о собственном доме. В январе 1867 года у неё родился ребёнок. Дороги занесло снегом, и доктор Мэтьюз приехал верхом, в енотовой шапке с хвостом, свисавшим по спине, а его седельные сумки были набиты хинином и каломелью.

Науке почти нечем было помочь природе. И природа обошлась с Эбби жестоко. Два дня и одну ночь она боролась с ней, словно Иаков с ангелом. А потом родила сына.

После пережитых мучений Эбби лежала, держа младенца на руке, и впервые почувствовала древнюю, как мир, силу материнской любви. Вся её прежняя любовь к жизни словно сосредоточилась теперь в одном существе — маленьком, мягком, беспомощном комочке. Мир романтики, учтивых мужчин и прекрасных дам вдруг стал казаться нереальным. Только Вилл и маленький сын теперь были достойны её мыслей.

Мальчика назвали Маккензи Дил. Но имя оказалось слишком длинным для такого крошечного человечка, и вскоре все стали называть его просто Мак. Вилл невероятно гордился сыном. Дедушка Дил и Луиза заходили посмотреть на него по нескольку раз в день. Реджина особого интереса не проявляла.

А бабушка Дил постоянно ворчала по поводу ухода за ребёнком. Почему Эбби не укутывает его ещё несколькими шальями? Почему позволяет солнцу так светить на кровать? И зачем задаёт доктору столько вопросов, когда он всё равно знает о младенцах меньше любой матери?

Когда Эбби оправилась, жизнь стала богаче, полнее. В её голосе появилась новая мягкость. Покачивая малыша в деревянном кресле-качалке с высокой спинкой, она напевала старые колыбельные, которые Мэгги О'Коннер привезла с заросших утёсником окрестностей Баллипорина. В течение года маленький Мак рос: сначала ползал, потом начал вставать возле стульев на толстенькие, неуверенные ножки.

А желание Эбби иметь собственный дом выросло до огромных размеров. Весной она снова заговорила об этом с Виллом.

— Знаешь, Вилл... — начала она немного застенчиво и нерешительно. — Как бы мне хотелось, чтобы у нас был свой дом. Твои родные...

Она опустила глаза, чтобы Вилл не заметил уклончивости.

— Они хорошо ко мне относятся, но мне так хочется иметь свой маленький дом. Он вовсе не должен быть таким большим... или хорошим...

К удивлению Эбби, Вилл ответил со сдерживаемой яростью:

— Думаешь, мне самому нравится? Я каждый день думаю, что делать. Кто я здесь? Наёмный работник у собственного отца. Так я никогда ничего не добьюсь. А теперь у нас ребёнок... Хорошо, что именно ты заговорила об этом. Всё решено. Мы уезжаем в Небраску и начнём жить самостоятельно.

— В Небраску?

Для Эбби это прозвучало почти как «в Южную Африку».

— Да. Здесь слишком много поселенцев. И пока я остаюсь поблизости, мне всегда придётся работать на отца. Это неправильно, Эбби. И ещё одно: наш мальчик не будет связан по рукам и ногам. Он сможет заниматься тем, чем захочет. Мы едем в Небраску — ты, я и маленький Мак.

— О нет, Вилл! Только не туда. Куда угодно поблизости, но не в такую даль. Вилл... моя мама... братья и сёстры... твои родные... все они здесь...

— Ты сможешь приезжать к ним, Эбби. Обещаю — когда захочешь. Там замечательные возможности. Это страна для бедного человека. Землю железной дороги можно купить почти за бесценок... можно арендовать школьные земли возле реки... или уйти ещё дальше на запад и получить участок по гомстеду.

— Там опасно, Вилл. Там индейцы.

— Индейцы есть и здесь. Вон целый лагерь возле озера Фишера.

— Но эти мирные... а там... Ох, Вилл...

— Четырнадцать лет прошло с тех пор, как правительство заключило с тамошними индейцами договор. Четырнадцать лет назад они отказались от прав на земли вдоль Миссури. Думаю, за столько лет поселения там уже всё вполне устроилось.

Вилл говорил твёрдо, упрямо, словно решение уже принято. Эбби испугалась того, куда идёт разговор, но намеренно старалась говорить спокойно.

— А ребёнок, Вилл? Мы должны думать о нём. Там не будет хороших школ... врачей...

— О нём-то я и думаю. Там, в новой стране, его ждёт большое будущее. Он станет фермером. Все Дилы всегда были людьми земли.

Отцы всегда склонны думать, будто сын принадлежит только им. Поэтому неудивительно, что Вилл Дил забыл одну вещь. Малыш был не только Дилом. Он был ещё и Маккензи.

Его мать держала голову так же, как Изабель Андерс-Маккензи на портрете в широкой золотой раме. В её волосах были те же золотисто-коричневые оттенки, что у прекрасной дамы. И её длинные тонкие пальцы так же изящно сужались к кончикам.

— Но, Вилл...

Никогда прежде Эбби не ощущала так сильно того странного чувства, будто её подхватывает и несёт ветер, который невозможно остановить. Время. Время, которое нельзя удержать.

— Вилл... а мой голос? Миссис Уитмен... Все считают, что я должна что-нибудь с ним сделать. И моя живопись, Вилл... Если мы уедем туда...

— Мы найдём тебе хороших учителей и там. Нет, Эбби, я давно всё обдумываю. Это мой шанс. Летом мы уезжаем. Я начну всё готовить. Армейских денег хватит на фургон, волов и землю. Скоро окончательно решу, покупать ли участок ближе к реке или уходить дальше и брать гомстед.

Итак, Вилл сказал, что едет на Запад. Эпоха женской свободы ещё не наступила. Муж Эбби Дил решил ехать в Небраску. Значит, Эбби должна была ехать вместе с ним.

В те времена всё было именно так просто. Начались приготовления. Эбби всё ещё возражала: Небраска слишком далеко, слишком дика.

— Она уже с марта прошлого года штат, — приводил Вилл очередной довод. — Для новой столицы даже выбрали место. Назвали её Линкольном. Странно подумать: старый приятель отца стал президентом, а теперь его именем ещё и город назвали.

Но Эбби думала не о недавно погибшем президенте.

— Да, только говорят, что место для этой столицы выбрали прямо в прерии и там всего две или три бревенчатые хижины.

Она относилась к юному штату далеко не с таким оптимизмом, как Вилл. А тот разыскивал любые хорошие новости, чтобы её приободрить. Однажды принёс газету из Омахи.

— И это ты называешь дикой страной? Посмотри, в Омахе всё уже почти как в настоящем городе. А мы будем не так уж далеко. Здесь написано: пятнадцать тысяч жителей. Настоящий город! Одиннадцать церквей, пять школ и пять банков. Вот ещё: «Операции с золотым песком, слитками, монетами и обменом». А у «Юнион Пасифик» почтовый маршрут идёт через всю страну до Ларами — два рейса ежедневно.

— А ты прочитай чуть дальше. Кое-что намеренно пропускаешь. Я сама видела эту газету, Вилл Дил.

Вилл рассмеялся:

— Ну хорошо: пять пивоварен и шестьдесят салунов. Не так уж плохо. И потом, там даже есть фабрика кринолинов.

— А мне до неё дела нет. Может, они вообще когда-нибудь выйдут из моды, хотя Реджина уверена, что никогда. Я бы не возражала. Выглядят они модно, но удобными их не назовёшь.

И всё это время Эбби собирала свои немногочисленные вещи, а Вилл готовил снаряжение для путешествия. Он собирался изготовить новое ярмо для волов и уже нарубил клёна, а для дуг приготовил гибкий гикори, когда матушка Маккензи отдала ему прочное ярмо, которым сама пользовалась четырнадцать лет назад во время переезда из Иллинойса. Вилл написал на нём имена своих волов — Ред и Болди, а посередине вывел: «Небраска, 1868».

После переписки со старым армейским товарищем Вилл купил землю, ни разу её не увидев. Покупкой он был доволен. Это была земля железнодорожной компании, и обошлась она ему в два доллара за акр. Неподалёку семья по фамилии Лутц, приехавшая из Мичигана, приобретала два участка по четверти секции.

— До Небраска-Сити всего тридцать пять миль, а до Уипинг-Уотер — около десяти. В Платтсмуте, окружном центре, есть гостиница, несколько домов и мельница... Мешок кукурузы можно смолотить всего за пару часов.

— Да. Если у тебя будет кукуруза.

Эбби всё ещё не могла разделить его энтузиазм.

— Кукуруза будет. Говорят, почва там самая лучшая и самая чёрная, какую только можно представить.

И тут, ещё до окончания приготовлений, Эбби поняла, что снова ждёт ребёнка. Июльским утром они отправились в путь. Ред и Болди стояли перед домом дедушки Дила, запряжённые в крытый переселенческий фургон, невозмутимые и туповато-спокойные. Всё имущество Вилла и Эбби находилось внутри, под новым белым полотняным тентом.

Проводить их пришли все. Матушка Маккензи — грузная, с иссиня-чёрными ирландскими глазами и в белом чепце — принесла сундучок, обтянутый телячьей шкурой, и часы «Сет Томас» с маленькой коричневой церковью на стекле.

— Возьми сундучок, Эбби. Я хочу, чтобы он был у тебя. Будешь хранить в нём жемчуг. И часы тоже возьми... Мне кажется, они всегда были твоими. Помню, как ты всё говорила, что никто не может остановить Время.

Пришли преподобный и миссис Уитмен. Миссис Уитмен принесла Эбби коробку красок и немного холста.

— Не бросай живопись, Эбби. Продолжай развивать свой маленький талант.

— Да, — несколько напыщенно добавил преподобный Уитмен, — и музыку тоже. Мы можем сделать со своей жизнью всё, что пожелаем.

— Да, я знаю, — ответила Эбби.

Бабушка Дил в чёрном чепце ворчала, что не успела сформовать хлебные буханки. Почему курятник так плохо привязали? Почему не выехали ещё вчера? Похоже, собирается гроза.

Зачем вообще тащить с собой собаку? А вон птица пролетела прямо перед волами — дурной знак! Доктор Мэтьюз остановился рядом в своём новом высоком экипаже. Ледяно-голубые глаза дедушки Дила затуманила печаль.

— Удачи тебе, сынок. А ты, Эбби... родная дочь и та не могла бы быть добрее ко мне.

У Эбби перехватило горло.

Остановите этот пронсящий ветер.

Остановите Время хотя бы на несколько минут.

Дайте ей подумать — правильно ли они поступают? Так не должно быть. Нельзя вот так уезжать от родных. Не должно быть так, чтобы недели и недели пути отделяли тебя от семьи.

Маленький Мак забудет матушку Маккензи и доброго старого дедушку Дила. А следующий ребёнок вообще их не узнает. Только одно давало Эбби силы вынести расставание. Только одно придавало мужества отправиться в далёкий, ещё не освоенный штат.

Любовь к Виллу. Любовь Эбби к мужу сохранила всю свою нежность и силу. И в глубине сердца она знала: как бы ни были дороги ей мать, сёстры и старое поселение, любовь к ним не перевешивала любви к нему. Если быть с Виллом означало построить новый дом в далёкой, неосвоенной стране — значит, она мужественно отправится туда вместе с ним.

Эбби решительно подняла голову.

— Ну что ж. Мы готовы.

— Прощайте...

— Берегите маленького Мака.

— Ох, Эбби, Эбби...

— Мама... прощай...

— Джанет, милая... Мэри... Белль... Луиза... Спасибо вам за всё... Прощайте... Да, мы напишем, как только... Поцелуй бабушку, Мак, малыш...

Вилл был по-мальчишески весел. Впервые в жизни он чувствовал себя свободным от родни. Сам себе хозяин.

— Ну, поехали!

Он щёлкнул длинным чёрным кнутом, похожим на змею.

— Вернёмся богатыми! — возбуждённо рассмеялся он.

Фургон качнулся. Выправился. Тронулся вперёд.

— Прощайте... прощайте... прощайте...

В воздух поднялись руки. Кто-то махал широкополым женским чепцом. Кто-то закрыл лицо передником. Слышались рыдания.

Эбби прижала руку к сухому, сдавленному горлу. Казалось, оно сейчас разорвётся.

Остановись, ветер.

Остановись, Время хотя бы на минуту.

Но фургон двигался дальше. Далеко позади Эбби всё ещё видела маленькую группу провожавших — словно плоские фигурки на фоне белой ограды и зелени гледичий. Глаза Вилла, полные надежды и мужества, смотрели на запад. А затуманенные слезами глаза Эбби всё ещё были обращены на восток.

Глава IX

Три недели спустя, жарким утром, Вилл, Эбби и ещё две семьи, чьи участки должны были соседствовать с их землёй, снялись с лагеря в двадцати милях от Платтсмута, где переправились через Платт на пароме. Путь через западную Айову был бесконечной тряской среди сухой травы и подсолнухов, зарослей сумаха, дикой сливы и индейской смородины. Теперь же, если не считать маленькой купы естественной растительности возле фургонов, вокруг не было видно ни единого дерева. Ни кустарника.

Ни человека. Вообще ничего живого. Только грубая трава прерии. Главами двух семейств Лутцев были братья Оскар и Генри.

У Оскара была жена и трое маленьких детей. Генри ехал с молодой женой и её шестилетним осиротевшим племянником. В новую страну вместе с сыновьями отправился и дедушка Лутц — кроткий, тихий старик. Все они прибыли из Мичигана. Оба молодых мужчины несколькими неделями раньше отправились на запад в повозках, а женщины, дети и старик ехали поездом до Куинси в Иллинойсе. Там пересели на речной пароход до Ганнибала, штат Миссури, затем перебрались через Миссури к Сент-Джозефу и уже оттуда поднялись на пароходе по реке до Платтсмута.

Мужчины, опередившие их, целую неделю ждали появления судна.

— Я каждый день спускался к пристани и пинал столб, к которому должен был пришвартоваться пароход, — рассказывал Оскар Лутц Виллу.

Вилл рассмеялся:

— Зачем?

— Да сам не знаю. Надо же было на ком-нибудь или на чём-нибудь сорвать злость из-за этой задержки. Вот я и пинал столб вместо Генри.

Сара, молодая жена Генри, была хорошенькой девушкой. Волосы у неё были чёрными, как вороново крыло, щёки — розовыми, словно цветы прерии, а возле маленьких чёрных глаз-бусинок постоянно собирались весёлые морщинки. Вся жизнь казалась ей шуткой. В то утро она украсила фургон алыми цветами индейской кисти, пылавшими словно огонь на фоне тускло-белого полотна.

Эбби, измученная жарой, дорогой и беременностью, могла только сидеть и удивляться, откуда у молодой Сары Лутц столько бодрости и веселья. Казалось, её ничто не тревожит и ничто не пугает. Даже рассказ о могилах в Эйт-Майл-Гроув, похоже, не произвёл на неё особого впечатления. Там, под небольшой группой деревьев, находились семь могил, огороженных досками. Местный кузнец рассказал, что доски привезли с лесопилки в Рок-Блаффе.

Путники совершенно невинно спросили, кто там похоронен. Эбби до сих пор вздрагивала, вспоминая его ответ.

— Захватчики чужих участков, конокрады и всякие такие, — равнодушно сказал кузнец. Потом переложил табак за щекой и добавил:

— Повесили. Комитет бдительности.

И, чтобы не осталось никаких сомнений, указал:

— На вон том дереве.

— Повесили? — повторил кто-то среди наступившей тишины.

— Ага. Летом вешаем, — бодро объяснил кузнец. — А зимой под лёд запикиваем.

Эбби снова передёрнуло от одного воспоминания об этом мрачном голосе. Дальше путь лежал через самую бескрайнюю прерию. С каждым часом жара накатывала на Эбби волнами — точно так же, как ветер гнал волны по траве. Она выглянула из-под полога и увидела Вилла, тяжело шагавшего рядом с упряжкой. Плечи его поникли.

За всё утро он ни разу не обернулся и не крикнул ей чего-нибудь весёлого. А трава вокруг... Неужели она никогда не перестанет колыхаться? В её движении было четыре мерных такта, почти музыка — но такая, что не успокаивала, а раздражала:

Ветер... волна... зыбь... склон...

Ритм вдалбливался в голову, и Эбби устало отвернулась. А потом, словно заворожённая чем-то неприятным, снова посмотрела наружу. Да. Всё те же четыре удара.

Ветер... волна... зыбь... склон...

Ветер... волна... зыбь... склон...

Маленький Мак спал, и Эбби легла рядом. Она закрыла глаза и заставила себя думать о дороге возле дома дедушки Дила, о гледичиях и клёнах, о роще чёрного ореха за домом, о зарослях орешника возле школы. Как прохладно и уютно выглядела белая школа с зелёными ставнями! Как хорошо было бы сейчас вытянуть ведро из колодца дедушки Дила.

В воображении Эбби крутила ворот поднимала воду и опускала лицо к прохладной тёмной глубине ведра. Она уснула. И во сне гуляла в прохладе клёнов и дубов Большого леса, собирала анемоны и кремово-белые майские цветы. Потом опустила на ложе из прохладных папоротников за домом Джанет Грейвс.

Вдруг фургон заскрипел и резко качнулся. Эбби открыла глаза и, ещё не вполне понимая, где находится, поспешно приподнялась и выглянула наружу. Горячее солнце заливало плоскую прерию.

Ветер... волна... зыбь... склон...

Её охватил сильнейший приступ тошноты — настоящая морская болезнь пассажира «прерийной шхуны», раскачивающейся на волнах горячего сухого внутреннего моря. Позже утром на горизонте показалась тёмная полоска деревьев на фоне безоблачного неба. Оазис? Или мираж, который исчезнет, стоит приблизиться?

— Уипинг-Уотер! — крикнул Генри Лутц.

Значит, новый дом уже недалеко. Они пересекли мелкую извилистую речку недалеко от каменной мельницы. Мужчина с ведрами молока в руках остановился посмотреть на караван. Вилл шёл рядом с волами, промокший почти до голенищ.

Мужчина ухмыльнулся и весело крикнул:

— Ну вот, крещение новой страной вы уже приняли! Теперь на вас её клеймо. Назад уже не вернётесь!

— А я и не хочу возвращаться! — так же весело отозвался Вилл.

Эбби в фургоне едва не застонала от тошноты, жары и тоски по дому. На другом берегу стояла пара волов, запряжённая в настолько странный крытый фургон, что даже Эбби заинтересовалась и села. Кузовом служила настоящая лодка, выкрашенная в ярко-синий цвет. Её нос изгибался почти вплотную к невозмутимым волам, а корма образовывала основание заднего входа под полотняным тентом.

Возле неё ждал мужчина с женой и двумя младенцами. Он представился:

— Гус Райнмюллер.

Потом равнодушно ткнул большим пальцем в сторону женщины:

— Моя жена, Кристина.

Кристина казалась такой же невозмутимой, как волы. Лицо её было терпеливо-бесстрастным. Невозможно было определить, молода она или уже немолода. Бесцветные волосы были заплетены в множество мелких косичек и плоско уложены от одного уха к другому, так что на затылке это напоминало маленький овальный коврик. Итак, это была уже третья семья, направлявшаяся в тот же район, где предстояло поселиться Дилам.

После обеда все вместе двинулись дальше на запад. Длинная растянутая вереница фургонов медленно и молча ползла навстречу солнцу. Лишь Сара Лутц время от времени выкри-

кивала что-нибудь весёлое. Эбби лежала на дне фургона, настолько измученная тошнотой и жарой, что ей казалось: больше в жизни её уже ничто не заинтересует.

К вечеру на фоне опускавшегося солнца проступила ещё одна длинная полоска деревьев. — Стоув-Крик! — крикнул Генри Лутц.

Они прибыли. По берегам ручья виднелись старые бизоньи лежища — неглубокие впадины, где огромные животные когда-то валялись и месили копытами грязь. Высохший бизоний помёт тоже напоминал о том, что совсем недавно лохматые стада неторопливо бродили вдоль русла. Они пересекли ручей — теперь это была почти одна ложбина с несколькими дюймами воды.

Генри Лутц, ехавший впереди, остановился. Когда Вилл и Эбби подъехали, он крикнул: — Ну вот и всё. Приехали. Это ваша земля.

В руках у него был грубый план участка.

— Моя — вон там, к западу. Участок Оскара к северу от моего. А Райнмюллера...

Гус и Кристина уже подъехали в своём нелепом фургоне-лодке.

— Участок Райнмюллера точно к югу от земли Дила.

Эбби выбралась из фургона. Тело затекло, её мутило, а от слепящего солнца раскалывалась голова. Сара Лутц уже выпрыгнула из своей повозки и подошла к ней — круглолицая, розовощёкая, с весёлыми чёрными глазами.

— Ну вот, ты дома! — рассмеялась она. — Теперь ты живёшь здесь. О господи, да у тебя уже гости!

Она с нарочитой церемонностью пожала Эбби руку:

— Разрешите зайти и посидеть немного? Благодарю, я сяду в кресло-качалку, миссис Дил. Да, спасибо, чашечку чая с удовольствием.

Эбби тоже невольно рассмеялась. Нелепая игра в такой момент неожиданно развеселила её. И тут:

— А-а!

Эбби взвизгнула, подпрыгнула и бросилась к фургону. У самых ног молнией пронеслось маленькое тёмное существо, похожее на ящерицу.

— Это всего лишь прыткая ящерка, — сказал Вилл. — Безобидная, как мышь.

— И такая же мерзкая! — отозвалась Эбби.

На ночь все расположились общим лагерем. Получилась целая компания: Вилл, Эбби и маленький Мак; Оскар Лутц с женой и тремя детьми; Генри и Сара Лутц, дедушка Лутц и маленький Дэн, осиротевший племянник Сары; Гус и Кристина Райнмюллер с двумя младенцами. Фургоны поставили кругом, а посередине развели один общий костёр. Солнце скрылось за краем мира.

Один из мужчин нашёл в русле родник и принёс воду. Остальные накормили лошадей и отвели их на водопой. Женщины приготовили ужин, затем вымыли тарелки и чашки у ручья. Детей уложили спать в повозках, а взрослые собрались вокруг огня. На небе появились звёзды — бледно-жёлтые цветы в собственной небесной прерии.

Завыл койот. Где-то вдали ему ответил другой. Эбби вспомнила ночь во время путешествия из Иллинойса, когда ей было восемь лет. Но тогда всё было иначе.

Рядом находился лес. Укрывающий, защищающий лес. Она слышала, как в темноте живут маленькие ночные существа, слышала тысячи крохотных шорохов среди деревьев. А здесь была какая-то странная, парадоксальная шумная тишина.

Полное безмолвие — кроме далёких койотов. Тишина — кроме едва слышного дрожания травы. Тишина настолько глубокая, что сама грохотала в своей бескрайней пустоте. Тишина.

Трава. Звёзды. Люди возле костра вдруг показались слишком маленькой группкой посреди этой безмолвной необъятности. Слишком незначительной.

Слишком беспомощной.

А что, если?..

Страх ещё только начал складываться в мысль, когда Эбби увидела в тених одну фигуру. Потом вторую. Ещё одну. И ещё.

Они бесшумно, по-кошачьи крались между фургонами и руслом ручья.

Глава X

Эбби не могла вымолвить ни слова. Только протянула руку и коснулась руки Вилла, оцепенев от ужаса. Вилл и остальные мужчины тоже всматривались в тёмные фигуры, скользившие среди теней.

— Они мирные, — прошептал Вилл. — Бояться нечего.

Мирные? Неужели действительно мирные? Всю ночь индейцы стояли лагерем чуть севернее, возле русла ручья. Эбби не сомкнула глаз. Мак лежал у неё на руках.

Всего полтора года назад произошла резня у форта Фил-Кирни. А два месяца назад Красное Облако передал, что не подпишет новый договор в форте Ларами. Здесь они были гораздо ближе к враждебным племенам, чем дома. Невозможно было понять, к какому племени принадлежат эти люди. В темноте невозможно было даже определить, сколько их.

Всю ночь Эбби лежала, мучимая страхом, напряжённая всем телом, прижимая маленького сына к груди. Утром страх немного рассеялся. Если бы они замыслили зло, решили поселенцы, то сделали бы это ночью. Оказалось, это небольшая группа пауни — мужчины, женщины и дети.

Поперёк спин их пони были навьючены десятки ощипанных куриных тушек, облепленных мухами. Выяснилось также, что из группы привязанных лошадей исчезла одна, принадлежавшая Генри Лутцу. Мужчины негромко посовещались и решили, что разумнее смириться с потерей и не задавать вопросов. По всей видимости, один из воинов просто уехал на ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.